

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 64-й

#1576

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГЕНЕРАЛЬ-МАИОРЪ

МИХАИЛЬ ГОРДЪЕВИЧЪ

ДРОЗДОВСКІЙ

(+ 1 ЯНВАРЯ 1919 Г.)

„Не мѣнье, а государственная необходимость ведетъ насъ по пути борьбы; мы знаемъ мѣру ответственности, и если вождямъ и дѣятелямъ большевизма нѣтъ ни прощенья, ни пощадки, то рядовымъ борцамъ, отренившимся во имя Родины отъ прежнихъ преступныхъ заблужденій, мы найдемъ мѣсто въ нашихъ рядахъ.“

(Изъ письма ген. ДРОЗДОВСКАГО).

№ 1
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве:
(495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; fax 34-3841.

<http://www.posev.de>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректоры
О.В. Петрюх

Вёрстка
М.Ю. Родионов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 1 (1576) январь 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ	
Кирилл Александров. «Воспитательная мера»	3
Татьяна Артёмова. Что искали на улице Рубинштейна?	6
Международная научная конференция «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения». Москва, 5–7 декабря 2008 г.	7
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Виктор Шаву. Выход из кризиса: аварийный люк заварен	8
Юрий Каграманов. Стоит мир до рати? ...	12
ТРИ ВОЖДЯ	
Дмитрий Хмельницкий. Приветствие вождям	17
МОСТЫ В ПРОШЛОЕ	
Сергей Порохин. Генерал Дроздовский ...	18
Ростислав Полчанинов. Мои встречи с Д.А. Левицким	20
Никита Кривошеин. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман	21
Виталий Драгомирецкий. Афганское общество в восприятии советских солдат и офицеров	25
ГЕРОИ ДОЛГА	
Олег Шакиров. Немец с русской душой ...	29
Андрей Окулов. Келлер	31
КНИГИ И ЛЮДИ	
Борис Соколов. Зрелищный спорт под сенью серпа и молота	35
Александр Гогун. Йорг Баберовски: Красный террор.....	39
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Красный террор на Урале	44
Моё открытое письмо всем членам Народно-Трудового Союза	44
Реабилитация сталинизма вместо реабилитации репрессированных	46
«Libido dominantis»	47
Уважаемые депутаты Новосибирского областного Совета депутатов!	48

16 декабря, в читальном зале Государственного архива Эстонии состоялось открытие выставки «Северо-западная армия», подготовленной архивистом Ильей Давыдовым. Открытие выставки приурочено к 90-летию начала Белой борьбы на Северо-западе России. На выставке был дан обзор боевого пути Северо-западной армии, начиная от создания на псковщине осенью 1918 г. до трагической гибели под Нарвой в конце 1919 г. – начале 1920 г. Стратегической целью Северо-западной армии был Петроград, на пути к нему был одержан ряд значительных побед. В этой борьбе приняли участие не только кадровые военные (среди них и известный писатель А.И. Куприн), но и воспитанники гимназий, юнкерских, кадетских училищ, дети городской интеллигенции и крестьян.

Уникальные фотографии, документы и карты из частных коллекций, а также фондов Государственного архива и Киноархива Эстонии освещают и гражданскую войну в России, и эстонскую Освободительную войну. Экспозиция представлена на эстонском и русском языках. Выставка будет открыта до начала марта 2009 г. Дополнительную информацию можно получить у куратора выставки Ильи Давыдова по адресу Pja.Davodov@ra.ee

В июльском номере «Посева» за 2007 год мы поместили статью Андреса Вальме «В Эстонии поставили шесть памятников русским воинам. Братское кладбище Северо-западной армии 1918–1920 годов в Нарве».

В статье сообщалось, что кладбище воинов-северозападников в Нарве является военным мемориалом. Формирование Северо-западной армии, которую в самый ответственный момент её судьбы возглавлял генерал Н.Н. Юденич, происходило непосредственно на территории Нарвы. Здесь же некоторое время размещался и штаб армии.

Однако исход наступления на Петроград по ряду военных и политических причин оказался печальным. Армия была фактически зажата между наступающими красными частями и Эстонией. Нарва стала страшным смертельным «мешком», в который попали русские войска. В дополнение к этому вспыхнула эпидемия тифа. Трупы вывозили грузовиками и хоронили на двух кладбищах – старом городском в Ивангороде и в Нарве, в Сийвертси. На обоих кладбищах помимо индивидуальных захоронений были вырыты братские могилы. На нарвском кладбище захоронено около трёх с половиной тысяч воинов. Судьба многих нарвитян была тесно связана с Северо-западной армией, и в 1930-е годы среди русской общественности Нарвы возникло движение за сохранение памяти её солдат и офицеров. На деньги, собранные по общественной инициативе, на братской могиле был установлен памятник.

В ходе советского вторжения памятник разрушили, а кладбище пришло в дикое запустение. Памятник был восстановлен в 1995 г., в 2003 г. за счёт бюджета города территория кладбища окончательно приведена в порядок.

В 2007 году в Нарве были установлены шесть гранитных плит с семьями фамилиями погибших военнослужащих Северо-западной армии и шедших с ней беженцев. Фотография плит была помещена на обложку июльского «Посева» за 2007 г. Списки имён находятся на сайте организации «Добровольческий Корпус» www.dk1868.ru. В Нарве регулярно выходят телевизионные передачи и организуются выставки, информирующие жителей города о событиях 1918–1920 годов. Нынешние работы по благоустройству кладбища проводятся властями города, общественными организациями и частными лицами. Они опираются на закон о воинских захоронениях Эстонии, Женевскую и Бернскую конвенции о защите жертв войны.

По поводу таких фактов СМИ РФ как правило хранят молчание, во всяком случае телевидение – основной источник информации для большинства граждан России. Но по-прежнему не утихают пересуды по поводу переноса памятника бойцу РККА времён II мировой войны («бронзовому солдату»), и нескольких захоронений из центра Таллинна на военное кладбище Тынисмяги. СМИ РФ трактуют это как антироссийскую акцию. (Тогда, в последних числах апреля – начале мая 2007 г. в Таллинне и в Москве вблизи посольства Эстонии прошли беспорядки. По крайней мере, в Москве они были учинены с явной опорой на высокое покровительство. См. статью Ивана Арнольдова «Двух мнений быть не может» в майском «Посеве» за 2007 г.)

Вместе с тем, многое свидетельствует о том, что антисоветские настроения в Эстонии далеко не всегда являются одновременно и антироссийскими. Напротив, эстонцы часто выказывают уважение к России, к тем, кто с самого начала боролся с большевизмом, общей бедой для наших народов.

Кирилл Александров

«Воспитательная мера»

В знаменитом романе Александра Солженицына «В круге первом» одна из самых замечательных сцен посвящена встрече министра госбезопасности Виктора Абакумова с товарищем Сталиным. Абакумов просит Сталина вернуть смертную казнь, формально отмененную в Советском Союзе в 1947 году. Сталин соглашается со своим министром и мудро добавляет: «Это будет хорошая воспитательная мера».

В перечне преступных деяний

Современная Россия в ситуации прогрессирующего социально-экономического кризиса, видимо, тоже не может обойтись без «хороших воспитательных мер». Сначала депутаты Государственной Думы в едином порыве приняли правительственный законопроект, исключаящий из ведения судов присяжных не только дела по террору, захвату заложников и власти, но и дела, связанные с массовыми беспорядками, диверсиями, «изменой родине» и шпионажем. Таким образом, отныне все дела, следствие по которым находится исключительно в компетенции органов Федеральной службы безопасности (ФСБ), будут рассматриваться не присяжными, а специальной «тройкой», состоящей из «профессиональных судей». Один из инициаторов законопроекта, депутат «Единой России» и генерал-полковник МВД Владимир Васильев так аргументировал новый порядок судопроизводства: «Террористы, захватчики заложников, боевики, организаторы массовых беспорядков, изменники, шпионы, заговорщики, мятежники и диверсанты не заслуживают права на народное правосудие».

Проблема заключается лишь в том, что «изменником», «шпионом», «заговорщиком» и прочим нехорошим человеком подсудимого может признать лишь суд по завершении в установленном порядке судебного процесса. До того момента, подсудимый или подсудимый остается лишь *подозреваемым* или *обвиняемым* в совершении инкриминируемого преступления. Однако судом он может быть признан *виновным*, а может быть и *оправдан*. Таким образом, генерал Васильев от имени «Единой России» отказал в праве на судопроизводство с участием присяжных не явным «врагам народа», как кажется, а только *подозреваемым*. А подозреваемым в чем угодно, у нас могут назначить кого угодно. Чекисты оправдываются перед возмущенными адвокатами и правозащитниками: дескать, суды присяжных выносят слишком много оправдательных приговоров. Так работать надо лучше, товарищи, укрепляя доказательную базу. А одними самоговорами и приказательными показаниями обвиняемых присяжных не убедить.

Но ограничением судопроизводства с участием присяжных декабрьские новации не завершились.

На минувшей неделе в Государственную Думу правительство внесло проект очередных поправок к Уголовному кодексу Российской Федерации, суть которых заключается в более *расширительном* толковании таких преступлений как «шпионаж» и «государственная измена». Если раньше под «государственной изменой» подразумевались лишь «выдача государственной тайны» и «оказание помощи иностранному государству (организации) в проведении враждебной деятельности в ущерб *внешней* безопасности РФ», то теперь понятие «государственной измены» становится более широким и приятным для органов госбезопасности, чей профессиональный праздник «день чекиста» (20 декабря 1917 – основание органов ВЧК-КГБ) неотвратим как девальвация отечественного рубля. Во-первых, слово «деятельность» будет заменено расплывчатым словом «деяние», подразумевающим как действие, так и бездействие преступника. Во-вторых, исчезнет слово «внешней» – преступным будет рассматриваться любое деяние, направленное против *безопасности* РФ *вообще*, в частности – против конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности.

В перечне «преступных деяний» по части нарушения безопасности РФ, оказываются, например и «консультации иностранных организаций». Допустим, гражданин РФ N дает интервью зарубежной радиостанции и *консультирует* ее по поводу текущей ситуации в стране – вот вам и состав преступления. В другой ситуации, граждан РФ X возмущен бессовестными изменениями действующей Конституции РФ 1993 года и организует пикет, собрание, митинг по этому поводу – вот вам сразу и выступление против конституционного строя (Конституция-то изменена Государственной Думой!), и массовые беспорядки. Наконец, нет четкого определения пресловутого понятия «безопасность». Можно ли считать публикацию находящихся на секретном хранении исторических документов семидесятилетней или шестидесятилетней давности «покушением на информационную безопасность» РФ?

Список далее можно продолжать. Главное, чтобы следователь попался... с воображением.

Автор совсем не хочет пугать читателей и не собирается внушать мысль о скорой неизбежности массовых посадок, но тот факт, что подобного рода законодательные инициативы не способствуют защите частного лица от государственного произвола, сомнений не вызывает.

Готовятся встретить

Вполне возможно, таким нехитрым способом правительство готовится встретить неизбежные социальные последствия, вплоть до массовых уличных волнений, в связи с прогрессирующим экономическим кризисом. Если в июле нефть стоила \$140–145 за баррель, то сегодня – \$35–40. Доходы бюджета стремительно падают. За октябрь, ноябрь и начало декабря золотовалютные резервы Центрального банка РФ сократились на четверть – более чем на \$120 млрд. (есть общие оценки потерь и до \$160 млрд.) и сегодня составляют чуть более \$450 млрд. Сумма внушительная, однако и *совокупный внешний долг* российских госкомпаний и госкорпораций составляет почти \$500 млрд. До марта – апреля 2009 года Центральный банк еще сможет поддерживать (в мягком варианте) отечественный рубль, а что будем делать, когда резервы иссякнут? Пока у нас хватает ресурсов, чтобы обещать кредиты Исландии (4 млрд. евро) и Киргизии (\$2 млрд.), и даже поддержать «дружественную» Беларусь, выдав «батьке» Лукашенко \$1 млрд. и обещая зимой 2009 дать еще столько же.

А потом?

В создавшейся ситуации останется, вероятно, единственный выход спасения хотя бы какой-то части золотовалютных резервов страны – отпустить рубль в «свободное плавание». Возникнет проблема инфляции, неизбежны и безработица, и социальные протесты (особенно в провинции), которых так ждут коммунисты, жадно ловящие попутный политический ветер. Правда, тогда становятся непонятными действия правительства Путина сейчас, которые сводятся к тому, чтобы и рубль удержать (или очень медленно его отпускать), и не потерять золотовалютные резервы. Однако из двух вариантов все равно придется выбирать какой-то один курс: двух зайцев сразу не поймать.

Даже с такими «воспитательными мерами», за которые ратует «Единая Россия».

«Венки уже вынесли»

И вот дождались. Первый социальный протест выплеснулся на российскую улицу.

Крепчает «ветер истории», задувающий в паруса Геннадия Зюганова...

Скажите, дорогие читатели, где сегодня целесообразнее выращивать картофель или помидоры, производить вкусенькие (не в пост помянутые) масло и сметану: в бывшей Санкт-Петербургской губернии или на территории соседней Финляндии?

Предвижу ответ и сразу скажу – он неправильный.

Конечно, целесообразнее в маннергеймовской Финляндии, у «кулаков-белофиннов». Они будут выращивать. А мы покупать.

Потому что наивный читатель руководствуется забытым здравым смыслом. Автор же смотрит на ситуацию с изворотливой точки зрения интересов нашего родного чиновничества. Любой импорт из

за границы в Россию связан с *пошлинами*. Чем шире ныне импорт, тем шире и разнообразнее пошлины с ним связанные. Тем богаче становится правящая коррумпированная бюрократия, делящая и преумножающая доходы от пошлинной торговли.

Автор, конечно, не справедлив к трудящимся. За последние семь тучных лет и им кое-что перепадало от «нефтяных» денег. Так, например, за минувших четыре года ввоз в Россию подержанных (бывших в употреблении, б/у) импортных автомобилей, в просторечии именуемых иномарками, возрос на 20–25 %. Однако все эти второсортные иномарки составляли меньше 10 % от общего количества *новых автомобилей* (и буржуазных, и отечественных), ежегодно покупавшихся (правда, в огромном большинстве своем – в кредит) нашими счастливыми трудящимися, предпринимателями и скромными тружениками-олигархами. Понятно, что дешевые, «бэушные» иностранные машинки покупали представители нижней части нарождавшегося российского «среднего класса».

Особенно как-то уверенно чувствовали себя автолюбители на Дальнем Востоке, в Приморье. Трудолюбивые японцы аккуратно и регулярно поставляли в российское Приморье автомобили, а также запчасти и комплектующие к ним. Ну и что, что подержанные, зато качество с нашими «Жигулями» не сравнить. Нам бы, конечно, поучиться. Машины делать у японцев, сметану – у финнов. Ну да не о том сейчас речь.

Короче, в Приморье кто-то прибывшие из Страны Восходящего Солнца машинки продавал, кто-то ремонтировал, кто-то перегонял дальше вглубь бескрайней России, кто-то занимался частным извозом. И множество приморцев на них, сердешных, просто ездили. По некоторым оценкам, благодаря подержанным иноземным транспортным средствам по ту сторону «Большого камня», как называли в незапамятные ермаковские времена Уральские горы, зарабатывали на жизнь в той или иной степени сотни тысяч наших соотечественников. И жили ничего себе. Может быть, даже действительно лучше и веселее, чем в 1991–1992 годах.

И вдруг все разом кончилось.

Правительство Владимира Путина в уходящем декабре объявило о резком увеличении пошлин на ввоз импортных автомобилей с 11 января – первого рабочего дня, наступающего Нового 2009 года. Нужно, дескать, защитить производителей наших автомобилей. На самом деле, думаю, в условиях прогрессирующего социально-экономического кризиса новые пошлинные поборы потекут в карманы коррумпированных чиновников, особенно тех из них, кто связан с крупными олигархами, занимающимися крупными продажами автомобилей на внутреннем российском авторынке. Это постановление относится к разряду принимаемых в интересах себя, любимых.

Лучше бы их, автомобили, конечно, сначала научиться делать. А потом уже защищать. Патриоты

тизм дело хорошее, но семьи-то приморские автолюбители чем теперь будут кормить? Правительственным постановлением? Поставьте-ка себя на место приморцев, особенно в ситуации, когда рубль падает, цены растут вместе с увольнениями, а банки безжалостно требуют возврата кредитов, безоглядно набранных в тучные годы «национального возрождения». В самом худшем положении оказались те предприниматели, которые сделали заказ в Японии, оплатили уже этот заказ, а таможенные пошлины должны были платить после 11 января, по прибытии груза в порт Владивосток.

Этим-то хоть сейчас стреляйся.

14 декабря во Владивостоке вышли на улицы почти три тысячи разгневанных автолюбителей – для приморской столицы цифра весьма серьезная. Они заблокировали движение по основным магистралям, и пытались прервать работу аэропорта, требуя встреч с представителями властей и немедленной отмены драконовского постановления о повышении таможенных пошлин, лишаящего работы во Владивостоке десятки тысяч человек. Губернатор Приморья Сергей Дарькин должен был выйти к разгневанным горожанам – тут дело даже не в том, кто бы и о чем договаривался. Просто мужественно показать: власть готова слушать и слышит. Но власти испуганно попрятались, *не зная как себя вести*. Все крупные телеканалы сделали вид, что во Владивостоке ничего не произошло. Проигнорировали.

На минувшей неделе Москва в категорической форме потребовала от губернатора не допустить повторных акций. Дарькин записал на видеопленку обращение к горожанам, призывая «не поддаваться на провокации» темных сил – этот ролик крутили по телевидению, в страхе ожидая новых выходных. Управление внутренних дел тоже грозило карами за участие в несанкционированном митинге. Тем не менее, 20 декабря, в день чекиста (!) на центральную площадь города пришли пятьсот человек, на следующий день – триста. Из Москвы авиацией перебросили отряд спецподразделения «ЗУБР», бойцы которого колотили дубинками автолюбителей, били камеры у журналистов и самих журналистов. Десятки человек оказались задержаны и развезены по отделениям милиции, откуда их милостиво отпустили. Телеканалы объяснили протестные акции во Владивостоке результатом столкновения анонимных «лоббистских групп».

Однако самым интересным в состоявшихся протестных акциях оказались лозунги. Как только автолюбители убедились, что власть от них попряталась и разговаривать с ними не хочет, к лозунгам об отмене постановления добавились и другие: «Сколько можно терпеть?», «Правительство – в отставку», и т.д. Одновременно с выступлениями во Владивостоке, акции поддержки прошли в Новосибирске (200 человек), Красноярске (500 человек), в Казани, Екатеринбурге, Белгороде, состоялся пикет в Санкт-Петербурге. В Астрахани протестующих не было, но в городе появились красноречивые листовки с призывом: «Болт вам, а не пошлины!»

В Красноярске автолюбители выехали в город с наклейками на стеклах «Путин! Воюй с олигархами, а не с народом». В Новосибирске распространенным стал лозунг «Повышайте уровень жизни, а не пошлины». В Петербурге пикетчики требовали у Медведева отправить «антинародное правительство Путина в отставку». Самыми оригинальными, по свидетельству журналистов газеты «Коммерсантъ», оказались автомобилисты в Хабаровске. Они купили за \$1,5 тыс. белые отечественные «Жигули» и предложили всем желающим написать на машине добрые пожелания президенту и премьер-министру. В кратчайший срок «Жигули» оказались буквально исписаны при помощи фломастеров и маркеров душевными посланиями. Самое невинное звучало так: «Вова, катайся на здоровье». Затем машину отогнали к хабаровской штаб-квартире «Единой России» и провели здесь акцию протеста, в которой участвовали около 2 тыс. человек. Митингующие довольно долго скандировали «Путин в отставку!» Но, как и во Владивостоке, из офиса правящей партии к избирателям никто не вышел.

Конечно, протесты автолюбителей – это совсем не революция. Это даже не смута и не народные волнения, не будем преувеличивать. Но, на взгляд автора, это первые проявления кризиса. Не экономического. А кризиса взаимоотношений между властью и обществом, построенной в России на фоне нефтегазоносного благополучия за последние годы. Система «суверенной демократии» оказывается нежизнеспособной.

Вспоминается старый анекдот: «Человек приходит в гости и звонит в дверь: “– Здравствуйте, а Абрам дома?” “– Да Абрам-то еще дома. А вот венки уже вынесли”».

Каппель и Каппелевцы

2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2007. – 718 с.

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков.

Цена – 450 р.

Татьяна Артёмова

Что искали на улице Рубинштейна?

Вечерние новости «Интерньюс» 4 декабря из России попал лишь один сюжет. Он рассказывал об обыске в правозащитной организации Петербурга НИЦ «Мемориал». В Довольно скоро вслед за россыпью возмущенных информаций в Интернете появилось новое сообщение о том, что Петербургский офис НИЦ (научно-исследовательского центра) «Мемориала» в Санкт-Петербурге на улице Рубинштейна 23 возобновил работу после обыска. Такая точность в указании адреса понадобилась, чтобы устранить путаницу. В Петербурге имеются два неподалеку расположенных офиса – собственно «Мемориала» на Разъезжей улице и НИЦ «Мемориал», на улице Рубинштейна. Именно последний подвергся в декабрьский четверг немотивированному обыску.

«4 декабря по постановлению городской прокуратуры был произведен обыск в помещении Научно-информационного центра “Мемориал” в Санкт-Петербурге – исследовательской организации, занимающейся изучением истории сталинского террора. Обыск произведен под предлогом расследования дела о некоей “экстремистской”, по утверждению прокуратуры, публикации, имевшей место полтора года назад в некоей газете, которая называется “Новый Петербург”», – сообщило в тот же день Международное общество «Мемориал», рассказав, что «Люди в масках, вооруженные милицейскими дубинками, заняли помещение Центра, изъяли из всех компьютеров жесткие диски, на которых содержатся результаты двадцатилетних исторических исследований, и, кроме того, материалы одного из сотрудников Центра, искусствоведа Александра Марголиса, известного также своими выступлениями в защиту архитектурного облика города».

Обществу “Мемориал” и его Научно-информационному Центру в Санкт-Петербурге ничего решительно неизвестно ни о газетной публикации, в связи с которой якобы проводится обыск, ни о самой газете “Новый Петербург”. По всей видимости, эта публикация – не более чем предлог для производства обыска в помещении “Мемориала”.

На изъятых дисках – базы данных, содержащие биографические сведения о десятках тысяч жертв сталинских репрессий, собранных “Мемориалом” за двадцать лет, уникальные коллекции фотоматериалов и копийных документов по теме советского террора, результаты поисковых работ по разысканию лагерных кладбищ и расстрельных полигонов на территории бывшего СССР, архив аудиозаписей интервью с бывшими узниками ГУЛАГа», – сказано в заявлении Международного общества «Мемориал».

Сергей Дмитриевич Хахаев, Председатель правления Петербургского «Мемориала» сообщил журналистам, что тоже не знает, какая сторона деятель-

ности «Мемориала» могла не понравиться «проверяющим».

В тот же день Международная организация Amnesty International призвала провести всеобъемлющее расследование законности этого обыска. А Правозащитный Совет Петербурга выступил с Заявлением: «Заявление

4-го декабря сего года, под абсолютно надуманным предлогом, был произведен обыск в помещении Научно-информационного центра “Мемориал”. Постановление об обыске, подписанное старшим следователем М.Г. Калгановым, изобилует грубыми ошибками (в частности, в постановлении указано другое юридическое лицо, перепутаны даты и т.п.).

Обыск производился также с грубыми нарушениями УПК: два лица из числа обыскивающих были в масках; не был допущен адвокат, имевший официальный ордер; вызванные на предмет проверки законности происходящего милиционеры также не были допущены в помещение.

Сотрудники НИЦ “Мемориал”, у которых находились в помещении личные вещи, не могли войти в своё помещение.

В результате обыска были изъяты жесткие диски компьютеров и большое количество DVD-дисков. На этих дисках находились результаты многолетней работы НИЦ “Мемориал” по поиску мест захоронений жертв политических репрессий, по судьбам репрессированных, по созданию т.н. “Виртуального музея ГУЛАГа”. Совершенно исключительный по своему содержанию материал (надо заметить, что государство практически ничего не делает для сохранения памяти замученных жертв, и эта задача легла на плечи неравнодушных к исторической памяти добровольцев) оказался недоступен для дальнейшей работы.

В настоящее время работа НИЦ “Мемориал” фактически парализована.

Особое негодование вызывает тот факт, что этот налёт на региональное общественное учреждение, занимающееся исследованием нарушения прав человека в России, сделан буквально накануне 60-летней годовщины принятия Всемирной Декларации прав человека.

Мы обращаемся к прокуратуре Петербурга с требованием проверить законность проведения обыска в помещении НИЦ “Мемориал”.

Мы обращаемся к средствам массовой информации с просьбой сделать этот позорный факт достоянием российской и мировой общественности.

Мы требуем возвращения НИЦ “Мемориал” захваченных у них материалов, имеющих исключительно важное значение для истории нашей страны.

Правозащитный Совет Санкт-Петербурга»

Международная научная конференция «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения». Москва, 5–7 декабря 2008 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ЧЛЕНАМИ ОРГКОМИТЕТА И РУКОВОДИТЕЛЯМИ СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЙ, ПО ПОРУЧЕНИЮ РОССИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Фигура Иосифа Сталина и созданный им режим остаются одними из самых острых вопросов научной и общественной дискуссии в России. Мы не можем быть безразличны к углублению разрыва между научными знаниями и обыденными представлениями значительной части граждан России о сталинизме и сути диктатуры. В общественное сознание проникают представления, противоречащие современным научным знаниям – знаниям, опирающимся на широкую документальную базу и многочисленные исследования. Нас тревожит широкое распространение рецептов возрождения России посредством авторитарной модернизации или даже диктатуры, пропаганда исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток. Мы не можем согласиться с попытками представить историю СССР как непрерывное движение от победы к победе, игнорируя вопрос о цене действительно имевших место побед и достижений, о трагедиях и жертвах.

Мы считаем, что:

- изучение истории сталинизма имеет принципиальное значение для понимания истории России, других государств, входивших в состав СССР, и всего мира в XX веке;
- исследование сталинизма требует объединения усилий ученых, работающих в разных отраслях науки, укрепления международного научного сотрудничества;
- изучение сталинизма требует новых проектов публикации научных исследований и исторических источников. Примером уже реализуемого и востребованного проекта такого рода является научно-издательский проект «История сталинизма»;
- изучение сталинизма требует расширения доступа к архивным документам, интенсификации процесса рассекречивания документов, строгого соблюдения законодательства в этой области;
- изучение сталинизма требует немедленных усилий для сбора воспоминаний уходящих свидетелей эпохи.

Формирование адекватной исторической памяти о сталинизме требует:

- четкой основы на добросовестных исследованиях и выверенных фактах;

- создания специального общенационального музейно-мемориального комплекса, а также отдельных музейных экспозиций в центральных и региональных музеях;

- расширения просветительской деятельности в форме издания книг, проведения публичных лекций, создания документальных фильмов, мультимедиа-материалов;

- приведения учебной литературы и образовательной деятельности в средней и высшей школе в соответствие с современным уровнем научного знания в области истории, других социальных и гуманитарных наук.

Мы считаем необходимым регулярное проведение конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения».

Итоговую резолюцию подписали:

Бородкин Л.И.

(доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, руководитель Центра экономической истории Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

Ватлин А.Ю.

(доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

Дроздов А.А.

(исполнительный директор Фонда Первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина)

Зубкова Е.Ю.

(доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор РГГУ)

Красовицкая Т.Ю.

(доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор РГГУ)

Лукин В.П.

(доктор исторических наук, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации)

Мироненко С.В.

(доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Государственного архива Российской Федерации)

Пивоваров Ю.С.

(академик Российской академии наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН)

01/2009

Пихоя Р.Г.

(доктор исторических наук, заведующий кафедрой Российской академии Государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Рогинский А.Б.

(председатель правления Международного историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»)

Сорокин А.К.

(кандидат исторических наук, генеральный директор издательства «Российская политическая эн-

циклопедия», Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники)

Хлевнюк О.В.

(доктор исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации)

Щербакова И.Л.

(руководитель образовательных программ Международного историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»).

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Виктор Шаву

Выход из кризиса: аварийный люк заварен

Кризис, которого долгое время (по словам президента Дмитрия Медведева, премьер-министра Владимира Путина и других чиновников класса «А») как бы и не было, разразился неожиданно – прямо как первый снегопад для городских служб благоустройства. То есть, конечно, большинству вменяемых экономистов было понятно, что Россия – никакой не «островок стабильности» в бушующем океане мирового финансового кризиса. Экс-советник предыдущего президента РФ (ныне переместившегося в кресло премьера), руководитель Института экономического анализа Андрей Илларионов прямым текстом говорил, что кризис приходит в сырьевые страны на год-полтора позже. Это связано с особенностями мировых рынков нефти и прочих сырьевых товаров. Однако слушать доводы разума в период, как всем казалось, безудержного поднятия «энергетической сверхдержавы» с колен, никто не захотел. Более того, встроенные в «вертикаль» чиновники не слушают их до сих пор. Расхлебывать же кашу, заваренную на федеральном единороссовском уровне, придется всем гражданам России – никого чаша сия не минует.

Промышленный коллапс

Долгое время официальные СМИ вещали (с слов все тех же чиновников от экономики) о том, что финансовый-де кризис «не коснется большинства россиян». При этом обычно выдвигался тезис о том, что поскольку ипотека в России находилась в зачаточном состоянии, «американский путь» в штопор нам не грозит. Да, путь у РФ оказался как всегда свой, и привел он нас к промышленному коллапсу самой, что ни на есть, короткой дорожкой.

С одной стороны по реальному сектору экономики ударил банковский кризис. Да, главными потребителями услуг кредитных организаций были не граждане. Даже всплеск потребительского кредитования, на фоне фактического отсутствия ипотеки, не был самым большим в секторе банковских услуг. Главным кредитополучателем оставалась недобитая в начале и конце 90-х отечественная промышленность.

Именно заводы и фабрики, равно как строительные и транспортные организации кредитовались в годы «успешного процветания» (а вернее – просто-напросто спекулятивно раздутых мировых цен

на нефть) под пополнение своих оборотных средств. И когда одни банки прекратили выдачу кредитов, а другие повысили их стоимость с 15–20% годовых чуть ли не до 30%, многим предприятиям оставалось только остановить производство.

Одновременно с другой стороны по реальному сектору ударило резкое сокращение, фактически «схлопывание» рынков. Ведь сырье – это не только нефть, газ и лес-кругляк. Это еще и промежуточные полуфабрикаты. Например, сталь. Именно на примере стали легче всего проследить остановку промышленных предприятий.

Итак, на мировом рынке упал спрос на сталь. Мало того, что российские порты оказались запержены железнодорожными вагонами с прокатом, который в одночасье стал потребителям не нужен (добавим к слову, что это далеко не единственный невостребованный в последнее время груз). Сталеплавильные заводы теперь вынуждены останавливать производство, в том числе, доменное, которое одновременно не остановишь и враз не запустишь – значит, речь идет о долгосрочных процессах. На этих предприятиях уже начались сокращения персонала, многие работники прину-

дительно отправлены в частично оплачиваемые отпуска. Отметим, что и на железной дороге, и в портах начались аналогичные процессы. Следующие по цепочке – угледобывающие предприятия и горно-обогатительные комбинаты. На момент подготовки этой статьи, кризис докатился уже и до них.

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в других отраслях, достаточно оторваться от экрана телевизора и почитать деловую прессу, или хотя бы информационные ресурсы в Интернете. Вот просто навскидку, из новостных лент:

ОАО «Автодизель», Ярославль. Вынужденные отпуска без сохранения зарплаты в октябре 2008 года составили 1216 человеко-дней. В ноябре 2008 года сокращено 49 человек. Отдельным категориям работников был объявлен простой с оплатой 2/3 среднего заработка. В октябре уволено «по собственному желанию» 504 работника, в ноябре – 1832.

ООО «Карбон-Шунгит» (Карелия). Уволено 34 человека, 50% от всех, кто работал на предприятии.

ОАО «Кавказцемент», Карачаево-Черкесия. Уволена треть сотрудников. В целом, по оценкам правительства республики, скрытая безработица составляет 40 тыс. человек (при официально зарегистрированных 9 тыс.).

ОАО «Семилукский огнеупорный завод», Воронежская область. 700 человек – в вынужденных отпусках, остальные переведены на график «неполного рабочего времени» – восемь (!) рабочих дней в месяц. Завод под угрозой закрытия.

ОАО «Дмитровский автоагрегатный завод», Ульяновская область. Плановое сокращение 332 сотрудников.

ОАО «Ульяновский автомобильный завод». С 1 марта 2009 года увольняются по сокращению 490 человек.

ОАО «Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов», Свердловская область. По сокращению уволено 290 человек, остальные – по собственному желанию (численность персонала уменьшена на 20%).

ЗАО «Красноярский завод тяжелого машиностроения». Сокращены 110 человек, остальные 290 пока работают, но в ноябре арбитражный суд признал предприятие банкротом.

Этот список длинный, его можно продолжать – для его публикации не хватит, пожалуй, и целого номера журнала «Посев».

Нечеловеческий фактор

Главная проблема, которая проистекает из промышленного коллапса – это даже не наполняемость (вернее, ненаполняемость) бюджетов всех уровней. Хотя и бюджетный дефицит еще аукнется «по полной программе», и мы еще будем наблюдать попытки секвестирования социальных расходов, отключения электричества и отопления в обанкротившихся муниципальных образованиях и лихорадочные попытки МЧС спасти ситуацию

то в одном, то в другом замерзающем регионе. Главная проблема – это проблема занятости.

Увы, немногие смотрели телевизионную встречу премьер-министра Владимира Путина с населением. А эта встреча сильно отличалась от всех предыдущих. Причем не должностью «главного действующего лица», а той ситуацией, в которой проходила. Да, в «тучные» годы Владимир Владимирович мог и пошутить, и пообещать, и пальчиком пригрозить. Но на этот раз было слишком очевидно, как вопросы потерявших работу людей из регионов остаются без ответов. Аналитики многих СМИ уделили внимание вопросу жителя уральского поселка Терлянский Дмитрия Сальникова, потерявшего работу и спросившего «отца родного», за которого он, по всей видимости, неоднократно голосовал, надеясь на пресловутую «стабильность»: «Как нам дальше жить?»

В ответ Владимир Путин заявил, что в России «существенным образом» повышается пособие по безработице – до 4 900 рублей. Вообще это магическое число «4900» премьер-министр повторил несколько раз, отметив, что это «значительные средства». А на вопрос о том, что правительство будет делать с массовой безработицей, премьер не нашел других слов кроме как: «Я все-таки надеюсь, что массовой безработицы у нас не будет».

Надежды, они, как известно, юношей питают. А вот оставшихся за воротами градообразующих предприятий рабочих проблема волнует посерьезней, чем московский «офисный планктон» оказавшийся в аналогичных условиях.

Тут федеральные чиновники и вспомнили о передовом опыте «наиболее вероятного противника», то есть, США и стран Евросоюза. Вообще стоит отметить, что пути фантазии руководства РФ весьма причудливы. В их пропаганде мирно уживаются «Петербург – город европейских стандартов» и противодействие расширению НАТО на восток, постоянные проклятия в адрес «развалившихся российской и мировую экономику» Соединенных Штатов (вдобавок, еще и поддерживающих «кровавый режим Саакашвили») и отсылы к американскому опыту выкупа акций компаний-банкротов... Но мы отвлеклись.

А «передовой опыт» в виде вышедших из «великой депрессии» США говорит, как известно, об общественных работах, в частности – о строительстве федеральных дорог, гордости сегодняшней Америки. Увы, бледная копия всегда хуже оригинала. И вместо восстановления разрушенной инфраструктуры знаменитых на весь мир своим качеством (а вернее – его отсутствием) российских дорог, власти городов-миллионников приступили к срочному ремонту улиц. Стоит ли говорить, что на американских стройках были задействованы безработные американцы, в то время как на российских «антикризисных» стройках мелькают все те же смуглые лица иностранных гастарбайтеров.

Впрочем, может, оно и к лучшему. Было бы гораздо хуже, если бы безработных граждан РФ начали в добровольно-принудительном порядке посылать на «трудовой фронт». Ибо у многих начальствующих ныне силовиков вполне невинный за рубежом термин «общественные работы» наверняка вызывает стойкие ассоциации с ГУЛАГом. Хотя не исключено, что в голодные весенние месяцы 2009 года трудмобилизованных безработных еще пошлют, к примеру, поворачивать северные реки на юг.

Кошмары малого бизнеса

Известно, что серьезным фактором, способствующим не только самозанятости населения, но и в значительной степени – выходу из кризиса является малый бизнес. Тут можно было бы опять-таки привести многочисленные примеры из практики других стран, однако необходимости в этом нет. Поскольку у Российской Федерации есть свой опыт выхода из кризиса с использованием именно этого ресурса. Это, как нетрудно догадаться – два кризиса 90-х годов XX века (финальный советский кризис конца 80-х – начала 90-х и дефолт 1998 года).

Можно и нужно критиковать финансово-экономическую и монетарную политику тех времен, но однозначно, что именно свобода предпринимательства, провозглашенная знаменитым указом президента Бориса Ельцина, позволила постепенно выйти из кризиса к середине 90-х. Консервативная политика премьер-министров Виктора Черномырдина и Евгения Примакова, сохранила (при всех минусах их системы управления) основные правила игры для успешного функционирования малого бизнеса в условиях обвала 1998–1999 годов.

Именно малые предприятия являются наиболее мобильными, именно они готовы браться за достаточно рискованные проекты, именно они (как уже говорилось) позволяют бороться с безработицей с помощью самозанятости населения. Увы, этот выход для современной российской экономики также оказался наглухо закрыт.

Дело в том, что период «нефтегазового процветания» позволил властям централизовать управление крупными компаниями (для таких придуман даже специальный термин «вертикально-интегрированные»). Однако отсутствие реального экономического роста, обеспеченного собственной промышленностью, либо пост-индустриальным сектором, заставило корпорации бороться за рынки именно с малым (и частично – средним) бизнесом. Проще всего это проследить на примере торговли. За последние 10 лет доля малых предприятий на рынке крупных городов упала с 60–70% до 15–20%. Причем чем крупнее город, то есть, чем больше был его потребительский рынок, тем большую долю постарались занять крупные компании.

В принципе, та же ситуация наблюдается и в секторе производства. С той лишь разницей, что

малые предприятия, к примеру, сектора легкой промышленности были вытеснены с рынка крупными холдингами, которые в свою очередь, сдали позиции китайским и турецким производителям. Не говоря уже о тех фирмах, которые сами, в погоне за прибылью, перенесли свои производства в Китай и... в женские зоны (самый яркий пример – «Зарина», бывшая петербургская «Первомайская заря»).

Риторика властей постоянно расходится с их делами. Так, президент Путин чуть ли не восхищался героизмом малых предпринимателей, даже говорил как-то, что открывшим свое дело можно сразу вручать медаль. А президент Медведев вообще прославился в предпринимательской среде своим распоряжением перестать «кошмарить» малый бизнес. Термин «кошмарить» не только органично вошел в словарный запас чиновников, но и появился на лозунгах митингующих предпринимателей. На этом помощь властей широким слоям предпринимателей в целом завершилась: «злые чиновники на местах» по-прежнему не слушают «добраго царя», всю «кошмарят» малый бизнес – закрывают ларьки и магазинчики, повышают арендную плату, вытесняют автоперевозчиков и т.д.

Одновременно региональные и местные власти, для создания видимости поддержки малого бизнеса, внедряют всевозможные программы, как правило, финансируемые из бюджета – что, кстати, позволяет им осуществлять коррумпированный «распил» (дележку) бюджетных средств.

Для того чтобы попасть в эти программы, предпринимателю, как правило, недостаточно быть просто лояльным к властям и демонстрировать личную преданность. Порой недостаточно для этого и взятки, которые в духе времени именуется ныне «откатами». «Распил» средств осуществляется, как правило, группой «прикормленных» предпринимателей, которые с одной стороны всеми силами стараются не допустить на свою «поляну» сторонних бизнесменов, а с другой – охотно имитируют для СМИ и прочих сторонних наблюдателей «успешных малых предпринимателей».

Именно такие «бизнесмены» всегда находятся в первых рядах информационной поддержки при закрытии рынков, выселении производств и прочих предприятий, не входящих в их ограниченный «пул».

Порой информационная поддержка как властей прередающих, так и крупных корпораций со стороны такого рода «бизнесменов» принимает откровенно карикатурный характер. Так в Петербурге представители малого предпринимательства «единодушно поддержали» проект переселения малых предприятий всего Красногвардейского района в запроектированный небоскрёб, известный как «Газпром-Сити» или «Охта Центр». Мало того, что здание еще не построено (и в свете кризиса вообще неизвестно, будет ли когда-нибудь возведено). Но даже если этот проект и будет осуществлен, невозможно представить себе, чтобы малые предпри-

ятия, разбросанные по району, население которого составляет без малого полмиллиона человек, смогли собраться в одном месте. Ибо реально функционирующий сегодня на этой территории малый бизнес – это вовсе не «высокотехнологичные предприятия», о которых говорится с высоких трибун, а магазинчики, парикмахерские, кафе и прочие заведения, предоставляющие клиентам именно «шаговую» доступность своих товаров и услуг. Никто не поедет за ними за многие километры...

Слово о «региональном сепаратизме»

Еще одним рецептом выхода из кризиса в мировой практике (помимо общенациональных, в нашем случае – федеральных программ) является предоставление регионам максимальной экономической самостоятельности. Тут мы можем проследить полную аналогию с малым бизнесом – та же самая мобильность в принятии решений, а также – более высокая эффективность использования как бюджетных, так и привлеченных средств (в том числе, в силу их ограниченности).

Увы, приходится констатировать, что и этот путь оказался для Российской Федерации закрытым наглухо. Отмена выборности губернаторов и превращение региональных парламентов в ничтожные (с точки зрения полномочий) органы, подконтрольные «партии власти», полностью лишила регионы возможности самостоятельно выходить из кризиса.

Как это произошло? Как реальная экономическая и даже политическая сила конца 90-х – начала «нулевых» годов оказалась настолько деморализована и маргинализована? Увы, огромные усилия в этом направлении предприняли как федеральные власти, так и спецслужбы. Региональные политики вообще и губернаторы в частности огульно обвинялись в «региональном сепаратизме», любые проявления самостоятельности рассматривались исключительно как посягания на территориальную целостность Российской Федерации и чуть ли не «терроризм в государственных масштабах».

Результат не замедлил сказаться. Наиболее харизматичные губернаторы как-то очень быстро погибли в авто- и авиакатастрофах (Александр Лебедь, Михаил Евдокимов и др.). Менее харизматичные, но самостоятельные губернаторы оказались постепенно отстранены от должностей – кто-то с помощью уголовного преследования, кто-то – под его угрозой, кто-то – в результате неких негласных договоренностей (Михаил Прусак, Роман Абрамович и др.). Остальные либо смирились, либо предпочли «не связываться» и остаться при хлебных должностях. Не говоря уже о вновь назначенных (никогда не избиравшихся) губернаторах – они, как правило, спущены «по властной вертикали» в совершенно чуждые для них регионы, в которых могут только «держаться и не пущать».

Назначаемые из центра губернаторы полностью обезволены и неспособны к самостоятельному

принятию решений. В лучшем случае, они пытаются согласовать свои действия с федеральными властями, в худшем – ждут распоряжений из Москвы, а сами в это время заняты все тем же «распилем» бюджета. Уже совершенно не скрываясь, некоторые особо одиозные губернаторы откровенно лоббируют фирмы и банки, принадлежащие или подконтрольные их ближайшим родственникам. Что, в общем, и неудивительно: население подконтрольных им регионов не являются их избирателями, а их единственному избирателю в Кремле гораздо важнее не эффективность управления и даже не соблюдение приличий, а исключительно личная преданность вышестоящему по вертикали начальству.

Трест, который лопнет

Подводя итог вышеизложенному, приходится констатировать, что в результате неумелых, неэффективных и некомпетентных действий федеральных властей, Российская Федерация оказалась в тяжелейшем состоянии. Если из прошлого кризиса удалось выйти благодаря постепенному процессу импортозамещения, последовавшему за резкой девальвацией, то сегодня реальный сектор находится в еще большем развале, чем 10 лет назад.

Совхозные поля не только на севере, но и в средней полосе зарастают лесом. Одни предприятия сбиты в государственные и полугосударственные холдинги, и тем самым лишены возможности влиять на собственную судьбу (по аналогии с регионами России). Другие не попали в вертикально-интегрированные структуры и теперь их «кошмарят» по аналогии с малым бизнесом. «Новые кластеры» вроде петербургских «автомобилестроительных заводов» при ближайшем рассмотрении оказались отвергочными сборочными производствами, ориентированными исключительно на внутренний российский рынок. А значит, они будут закрыты (или вовсе не откроются) по мере коллапса российской экономики.

«Благодаря» тому, что власти «закрыли» малый бизнес, нет никакой надежды на самозанятость населения, которая буквально 10 лет назад помогла выжить миллионам сограждан. Отсутствие инфраструктуры в регионах не оставляет надежды на то, что там возможно появление новых, высокотехнологичных производств, ориентированных на западные рынки. Столицы же ждёт остановка нового строительства и, как следствие – невероятный всплеск уличной преступности с постепенным её переформатированием в организованную по этническим признакам – скажется бесконтрольный ввоз нигде не учтенных и «как бы не существующих» гастарбайтеров.

Более того, даже если власти действительно опомнятся и дадут самостоятельность в принятии решений региональным властям и режим наибольшего благоприятствования малому бизнесу (например, вообще освободят от налогов на пять лет безра-

09/2008

ботных, открывающих свое собственное дело), то вряд ли это уже поможет.

Дело в том, что привыкшие ждать указаний из столицы региональные власти просто не смогут действовать самостоятельно. А сменить их на дееспособных управленцев будет в принципе невозможно из-за того, что вся региональная элита оказалась «переформатирована» на поддержку «вертикали власти». И механическая замена одного губернатора на другого, не будет способствовать исправлению ситуации.

То же касается и малого бизнеса – те, кто потерял свое дело в результате несправедливых и немотивированных гонений со стороны властей, вряд ли поверит в «режим наибольшего благоприятствования» и захочет рискнуть еще раз. Слишком памятливы для него «кошмары», снос павильонов бульдозерами, товар, выброшенный на улицу и ОМОН, жестоко разгоняющий тех, кто посмел слабо протестовать. Да и не допустят «прикормленные» бизнесмены никого к антикризисным программам, сулящим хотя бы минимальный «распил» государственных средств.

В этой ситуации по аналогии вспоминается трагедия с подводной лодкой «Курск», произошедшая как раз в самом начале прихода к власти президента В.В. Путина. Помимо причин аварии, госкомиссия долго выясняла, почему моряки не попытались спа-

стись «самовсплытием» через аварийный люк. И тогда выяснилось, что люк не открылся «из-за деформации корпуса». И хотя некоторые эксперты утверждали, что аварийные люки на флоте иногда вообще принято заваривать или заклинивать, подробно об этом эпизоде комиссия не распространялась.

И вот сегодня весь многомиллионный российский народ оказался в роли экипажа опустившейся на грунт подводной лодки: запасы кислорода еще есть, но стремительно тают. Дышать приходится через раз. Где-то далеко тщетно предлагают помощь европейские спасатели. Морально устаревшие отечественные глубоководные аппараты неспособны спасти, кого бы то ни было. А самовсплытие невозможно, поскольку аварийные люки, как оказалось, предусмотрительно заварены «во имя территориальной целостности».

При любом исходе моральные и материальные потери от последствий кризиса оценить попросту невозможно. А те, кто рано или поздно придет к управлению после существующего неэффективного режима, окажутся в гораздо более сложной ситуации, чем те, кто оказался у руля после того, как распался Советский Союз (не выдержавший перегрузок позапрошлого кризиса). Хотя бы потому, что в те годы империя двигалась в сторону демократизации и гласности, а сегодня все клапаны оказались заварены вместе с аварийным люком.

Юрий Каграманов

Стоит мир до рати?

Два события, отделение Косово от Сербии и отделение Абхазии и Южной Осетии от Грузии, придали ходу истории новый рискованный наклон. Нарушен принцип неприкосновенности границ, который отвечал «духу Ялты» и был закреплён последующими международными соглашениями.

Некоторые западные журналисты пишут, что второго из этих двух событий не было бы, если бы не было первого; наверное, это так. Другие журналисты упорствуют в прежнем своём мнении: Косово, де, – уникальный случай, который не должен был нигде и никогда повториться. Но Косово не может считаться уникальным только потому, что кому-то так хочется. Прецедентное право, сохранившее свой «угол» в рамках современного правового мышления (особенно в Англии и США), не нуждается в умножении схожих по характеру казусов: легитимация одного-единственного даёт определённые основания для легитимации каждого последующего.

Косовский узел – что петля на вязаньи: распустилась одна петелька – распустится всё вязанье, или какая-то его часть.

И вот загвоздка: очень трудно сказать, будет ли это к добру или к худу. В Европе, а ещё больше за её

пределами, есть такие границы, где «тучи ходят хмуро», и лишь тот факт, что действующими международными соглашениями границам приказано не шевелиться, удерживает противостоящие стороны от кровопролития или хотя бы умеривает его. И это как будто хорошо. Но наивно думать, что границы «заговорены» раз и навсегда; никто не мог отнять у них функцию «политической изобары» – подвижной линии, меняющей своё местоположение, в зависимости от того, какое давление оказывается на неё с той или другой стороны. Это может быть военное давление – русская пословица «стоит мир до рати», увы, не устарела и, наверное, никогда не устареет; и это может быть демографическое давление или какое-либо иное. Наконец, это может быть давление, осуществляемое изнутри, со стороны малого народа, стремящегося добиться независимости и отгородиться от большого народа, частью которого он был, государственной границей.

Устойчивость границы обратно пропорциональна давлению, которое на неё оказывается. Примером может служить Чечня. В 1990-е годы казалось, что маленький чеченский народ исполнился желанием во что бы то ни стало отделиться от России – и Россия дрогнула. Соглашением в Урус-Мартане

«республика Ичкерия» получила фактическую независимость, которая в недалгом времени, почти наверное, стала бы также и формальной; появились явные признаки того, что наш правящий класс готов был с этим смириться. Теперь соглашение в Урус-Мартане считают большой ошибкой. Но есть ошибки и ошибки. Урус-Мартан был полезной ошибкой: два года (кажется, так) фактической независимости «республики Ичкерии» показали, что чеченцы не могут жить без России и что если связи меж нами перестают быть позитивными, они немедленно становятся негативными: едва отды-

шавшись, «республика Ичкерия» попёрла войной на соседний Дагестан. Зато стало ясно, как дважды два, что политика умиротворения Чечни, по крайней мере, в настоящем времени, является для Москвы единственно возможной

Хорошо это или плохо, решающую роль в отношениях между народами всегда играли и будут играть впредь *вера* и *воля* (сила – скорее производное от них), а не юридические установления, какими бы прочными они ни казались.

Данное обстоятельство не освобождает от права (а в иных случаях и обязанности) судить о том, насколько справедливо или, наоборот, несправедливо проведены те или иные границы. Но для этого надо отказаться от чисто юридического подхода к данному вопросу, независимо от того, подчиняет ли он тот или иной казус общему правилу или ведёт к исключению из него. Представим, что какой-нибудь служитель Фемиды, прослушав, скажем, «Гугенотов» Дж. Мейербера или посмотрев «Корсару» Л. Делиба, захочет вынести о них своё суждение. Юрист – не сапожник, который обязан судить не «свыше сапога»; не говорю уже о том, что это может оказаться человек с развитым художественным вкусом. Но если он захочет судить о названных произведениях именно как юрист, он слишком многого в них не поймёт. Конечно, исторические события – не опера и не балет, но при оценке их тоже нужна «художественная справедливость»*. Иначе говоря, здесь нужен целостный взгляд, охватывающий по возможности все нюансы, и нужно понимание интриги, в смысле развития сюжета.

Относительно Косово главное, что следует иметь в виду, есть тот факт, что косовские албанцы, в основном, народ пришлый. Некоторые лицеприятные этнологи утверждают, правда, что албанцы – прямые потомки иллирийцев, но другие этнологи опровергают

эту точку зрения, указывая, что никаких прямых потомков иллирийцев не осталось, а иллирийская кровь влилась в кровь не только албанских, но также славянских и иных племён. И вообще апелляции к доисторическим, по сути, временам всегда рискованны. Мало ли какие пастухи здесь когда-то перегоняли стада. Важно, кто первым освоил эту

* Удивительно, но это выражение, именно в таком контексте, употребили – вероятно, в силу конгениальности – сразу два русских философа: И.А. Ильин и Ф.А. Степун. (См. Ильин И. О сущности правосознания. Мюнхен. 1956, с. 219. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М. 2000, с. 247).

09/2008

территорию, кто «застолбил» её культурно и цивилизационно. А это, безусловно, были сербы, в своё время приобщившиеся к византийскому миру и ставшие своеобразной его частью. Притом именно Косово, как это хорошо известно, стало историческим heartland средневековой Сербии; здесь сосредоточены наиболее значительные сербские монастыри, храмы и различные памятники старины. Представить Сербию без Косово – всё равно, что представить Италию без Лацио или Францию без Иль-де-Франса.

Стоит отметить, что с момента завоевания Сербии Турцией (1378) в продолжение целых пяти столетий Косово оставалось почти чисто сербским краем. Лишь в последние десятилетия XIX и в начале XX века (Косово освободилось от турецкого ига в 1913-м) начинается его интенсивная албанизация. Этот процесс продолжился и при сербской власти. Доля сербов в составе населения провинции (которой Тито, хорват, равнодушный к национальным интересам сербов, даровал право автономного края) таяла не по дням, а по часам. Ещё в 1930 году албанцев здесь было меньшинство – по некоторым данным, около 40%; а к концу века они уже составили четыре пятых всего населения. Такой дисбаланс сложился за счёт «извержения чад», гораздо более обильного у албанцев, чем у сербов; к этому надо добавить ещё иммиграцию албанцев из Албании, особенно в годы существования так называемой Великой Албании, существовавшей под патронажем фашистской Италии. В итоге албанцы порешили, что Косово – их земля, и больше ничья; а Запад поспешил признать за ними их «права».

До некоторой степени аналогичный процесс вытеснения коренного населения имел место и в Абхазии; только результат здесь оказался совершенно другим.

Скоротечная русско-грузинская война (которая началась из-за Южной Осетии, но в которой решалась судьба также и Абхазии) породила несчётные комментарии, затрагивавшие различные подробности войны, отношений России с США и т.д., но очень мало касавшейся причин – из-за чего, собственно, разгорелся сыр-бор – спора между Грузией, с одной стороны, и Абхазией и Южной Осетией, с другой. Кто в этом споре прав и кто нет?

Грузины чуть ни поголовно убеждены, что Абхазия является частью Грузии. Но это просто привычка, вынесенная ими из советских лет. Изначально абхазы были самостоятельным племенем со своей собственной государственностью, независимой от грузинской. Только в 980 году оба государства объединились, точнее, заключили между собою унию; и произошло это по инициативе абхазской стороны – тогдашнего правящего князя Феодосия Слепого. Уния оставалась в силе примерно 150 лет; затем в продолжение других полутора веков Абхазия имела статус вассального по отношению к Грузии княжества. На этом история совместной грузино-абхазской государственности обрывается. В состав Российской империи оба народа входили на равных основаниях,

без каких-то особых, юридически оформленных связей меж ними. И лишь при советской власти Абхазия была насильственно включена в состав Грузии.

Тогда-то началось интенсивное переселение грузин в Абхазию, поощряемое из Тбилиси. Если в 1916 году население Сухумского округа (границы которого примерно совпадают с нынешними границами Абхазии) на 56% состояло из абхазов и на 18% из грузин*, то уже в середине 20-х годов численность двух этносов приблизительно уравнивается, а к 1979 году грузин становится (это уже по грузинским данным) 44%, абхазов только 17%**.

Что касается юго-осетин, то они живут на южном склоне Кавказского хребта с XIII века и естественным образом тяготеют к основной массе осетинского народа на северном его склоне. И здесь тоже соотношение осетин и грузин менялось в пользу последних, хотя осетины всё-таки остались в большинстве.

С распадом эрзац-империи СССР Грузия вознамерилась «голографически» воспроизвести её, создав свою «малую империю» (определение академика А.Д. Сахарова) в искусственных границах Грузинской ССР. Но Российская империя, начнём с неё, не была просто военно-политическим образованием. Россия обладала свойствами магнита, притягивавшего многие окольные народы; остаточное действие его сохранялось в период СССР и сохраняется сейчас. Очевидно, Грузия такими свойствами не обладает, потому что абхазы и юго-осетины, коль скоро они получили свободу волеизъявления, твёрдо вознамерились отделиться от неё и в то же время сохраняют тягу к России. (При этом абхазы не раз приглашали бежавших в начале 1990-х годов грузин вернуться в Абхазию на условии, что они признают её независимость). Я не сбрасываю со счетов интриги постсоветской номенклатуры – российской с одной стороны, абхазской и юго-осетинской с другой, – пожелавшей сохранить старые связи, но решающего значения они тут иметь не могли.

Сейчас некоторые комментаторы упрекают Москву в непоследовательности: в Закавказье отделившиеся народы получили признание, в котором было отказано албанцам-косоварам. Но здесь как раз можно усмотреть последовательность: в том и другом случае были признаны права автохтонных народов. Я не хочу сказать, что вершители кремлёвской политики руководствовались одними только принципиальными соображениями, наверняка были и другие, привходящие. Но «на выходе» политика Москвы в данном аспекте выглядит пока что вполне последовательной.

* Воробьёв Н. О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ. Ростов-на-Дону. 1919, с. 16. В этой брошюре, написанной с позиций Белого движения, речь идёт о притязаниях меньшевистского правительства объявившей себя независимой Грузии.

** Грузия – «малая империя»? Тбилиси. 1990, с. 28.

Взятая линия – в поддержку прав автохтонных народов – не лишена для нас некоторого риска. Хотя в настоящее время сепаратистские движения на территории Российской Федерации вроде бы поугасли, трудно представить, чтобы они не возобновились в будущем. Но ведь в любом случае укрыться в тихой гавани за теми или иными юридическими клаузулами не удастся; будущее подобно плаванию в открытом море, где риски неизбежны. Чтобы Россия сохранилась как империя, в смысле объединения различных этносов, она должна возобновить в себе свойства магнита; а для этого надо работать и работать над собой.

* * *

Есть, однако, глубокое отличие между косовским вопросом и вопросом абхазско-южноосетинским. Последний хоть и вызвал в мире некоторый всплеск эмоций в связи с недавними событиями, в сущности своей является локальным и по большому счёту никого за пределами бывшего СССР не волнует. Совсем другое дело Косово. Отделение его от Сербии может возыметь роковые последствия для Европы; маленькая область становится ставкой в «большой игре», именуемой столкновением цивилизаций.

Ста лет не прошло, как завершилось освобождение балканских стран от длившегося несколько веков турецкого ига. И вот мы видим, как балканские потурченцы, «играя» на стороне своих бывших хозяев, пытаются взять реванш (все балканские мусульмане – албанцы и боснийские *муслимане* – потурченцы, то есть это бывшие православные христиане, под давлением завоевателей перешедшие в «турецкую веру»). И как это ни странно, Запад им в этом потакает.

Забывтый эпизод. Утром 15 июня 1919 года лондонский собор св.Павла и парижский Нотр-Дам огласили окрестности траурным звоном колоколов: так была отмечена 530-я (некруглая!) годовщина битвы на Косовом поле. Отчасти англичане и французы продемонстрировали таким образом предупредительность в отношении сербов, которые были их союзниками в только что закончившейся мировой войне. Но было и сознание того, что на Косовом поле сербы отстаивали общее европейское дело: поражение их предопределило падение Константинополя и последующий рывок османов до Вены и Перемышля.

Что такого произошло за 80 лет, что заставило европейцев и вкуче с ними американцев занять в косовском вопросе столь резко выраженную анти-сербскую позицию? Конечно, сербская сторона в лице С. Милошевича повела себя здесь далеко не лучшим образом, но надо учитывать и то, что сербы на этой, формально своей, территории оказались буквально загнаны в угол. Они ещё готовы были смириться с тем, что в автономии заправляют албанцы, но когда их стали вытеснять из края и готовились вытеснить совсем, терпение сербского наро-

да стало истощаться. И тогда Милошевич, как разъярённый бык, кинулся топтать албанские селения – реакция, как принято говорить, неадекватная, но психологически объяснимая. Слишком многое «накопилось» у сербов против албанцев.

Но Запад не пожелал «видеть правду со семи сторон», он пожелал видеть её только с одной стороны – «защиты прав человека», что в данном случае подразумевало защиту косовских албанцев от «насильников-сербов». К этой привычной формуле примешалось искреннее раздражение: кто ещё посмел лютовать в Европе? Если где-нибудь в Африке одно племя вырезает другое, то это ещё как-то стерпеть можно (пусть даже счёт жертв идёт на сотни тысяч или на миллионы), но в Европе, «под боком» у самых цивилизованных стран! Известная американская писательница Сьюзен Зонтаг, до конца (умерла в 2003-м) остававшаяся ходатаем за косовских албанцев, предложила «новое определение Европы: это место, где не место трагедиям».

«Новое определение» довольно точно отражает нынешнее самоощущение европейцев, убаюканных ласками цивилизации и не склонных заглядывать в пугающее будущее. Кликушей выглядит сегодня Гегель, писавший: «Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми местами...» Последнее утверждение ещё может быть оспорено, но что история есть трагедия по преимуществу и не перестанет быть таковою, это, на мой взгляд, яснее ясного.

А найти ли в Европе более несчастливое место, чем Балканы? Причиной тому, конечно, полутысячелетнее турецкое иго, имевшее для балканских народов значительно более тяжёлые последствия, чем даже монгольское иго для Руси. Тогда-то были запрограммированы и все те бедствия, что постигли их в конце XX века.

Когда сербский король Фома из пушкинского «Видения короля» («Песни западных славян»), бессонной ночью подойдя к окну,

Слышит, воеет ночная птица,

Она чует беду неминучу...,

кажется, что он не только проникается предчувствием своей и своей семьи гибели от рук «басурман», но что, более того, он в этот момент пронизывает взором в будущие времена.

А современные европейцы, по крайней мере, на уровне тех, кто «принимает решения», не склонны прислушиваться к ночным птицам. У них нет желания распутывать сложный косовский узел; им нужны «простые и понятные» объяснения того, что там происходило и происходит. «Советская пресса, – иронизирует по этому поводу журналистка Диана Джонстон в журнале «Swans» (от 19.6.06), – многие свои утверждения начинала со слов «каждый знает». Сегодня, благодаря западным media, «каждый знает» всё, относящееся к бывшей Югославии». Это «всё» сводится к немногому: существует или существовала кучка злодеев во главе

09/2008

с Милошевичем, попирающая на косовской земле (как и ранее в Боснии) «права человека».

Во всяком случае, так было до сих пор. Лишь в последнее время у некоторых из тех, кто «принимает решения», возникли сомнения относительно правильности однажды занятой проалбанской позиции.

Конечно, Милошевича надо было осадить, но для этого не обязательно было пускать в ход оружие; можно было надавить на него дипломатически или употребить меры экономического воздействия. И уж коль скоро натовские войска вошли в Косово, они имели возможность остановить там бойню, но при этом не играть в руку албанских сепаратистов. Запад не должен – не имеет права – решать политическую судьбу Косово.

Тот факт, что западное сообщество санкционировало независимость края, стал не только актом вопиющей несправедливости по отношению к Сербии, но и грубой ошибкой в перспективе «столкновения цивилизаций». Ясно ведь, что Косово – это также и полигон, на котором испытывается самое эффективное, на сегодня, оружие – демографическое, и что по пути Косово со временем могут пойти другие области Европы, такие, как испанская Эстремадура (бывший Гранадский эмират), французский Марсель с департаментом Буш-дю-Рон (тоже в далёком прошлом арабское владение) и другие, в которых мусульмане никогда раньше, как говорится, не ночевали.

Знаменитый австрийский писатель Петер Хандке, один из немногих на Западе, кто в войнах за югославское наследство решительно принял сторону сербов*, назвал западных журналистов (но то же можно сказать и о западных политиках) «полезными идиотами» (известное ленинское выражение) «в руках боснийских и косовских мусульман» (цитирую по тому же номеру журнала «Swans»). Ничего не желая о том знать, они готовят почву для широкомасштабной мусульманской Реконксты в Европе (салют испанским «воинам за веру» времён пламенеющей готики!), в первую очередь на Балканах.

Только не нужно жёстко связывать стремление к территориальной экспансии с верой. Ислам – великая религия, но, так сказать, на своём месте. Это место было предопределено ему свыше, но если оставаться в плоскости земного понимания, можно, наверное, сказать, что были определённые предпосылки к распространению его в том регионе, где он изначально распространился. Не рискну утверждать, что земли, отвоеванные арабами у Византии, обречены были предаться исламу, но некоторые предпосылки для этого существовали. В таких странах, как Сирия или Египет, в V–VII веках широкое хождение получили ереси, в первую очередь, монофизитство, о котором можно сказать, что оно находится на полпути к исламу (в монофизитстве

Христос в значительной мере лишается своих человеческих свойств и как бы теряется на фоне грозного Отца, каковому только и поклоняются мусульмане, признающие лишь Единого Бога).

Но в Европе никаких существенных предпосылок для «замены» христианства на ислам не было. Это интуитивно почувствовал халиф Омар, покоривший многие страны, но сказавший, что мусульмане не должны оседать на землях, отделённых от Двух Священных Городов (Мекки и Медины) морем, имея в виду, что они не должны пересекать Босфор и Гибралтарский пролив. Здесь довольно точно обозначены границы Европы с южной и юго-восточной стороны. Мы знаем, что этот завет был нарушен с обоих концов. Гибралтар пересекли арабы, на несколько столетий осевшие на Пиренеях, но окончательно изгнанные оттуда в 1492 году, названном испанцами *annus mirabilis*, «чудесным годом». Босфор пересекли турки-османы, осевшие на Балканах тоже на несколько столетий, почти изгнанные оттуда в начале XX века (напомню, что в их руках остался только Константинополь), однако оставившие позади себя мусульманские анклав, не только сохранившиеся, но за последние годы проявляющие тенденцию к расширению.

От «столкновения вер» перейдём к «столкновению цивилизаций». Эта формула сильно хромает на Балканах, если иметь в виду историю. Цивилизация – понятие оценочное. Между тем, в отличие от арабов и персов турки не создали великой цивилизации, они лишь разрушили великую цивилизацию – византийскую, включая её своеобразные ответвления, сербское и болгарское. Турецкое завоевание обернулось катастрофой для балканских народов, не только остановленных в своём развитии, но и в значительной мере утративших своё культурное наследие: не стало элиты, которая была её хранительницей. А турки, по высокому счёту, ничему не могли их научить; они лишь «заразили» их некоторыми своими бытовыми привычками, вроде того, как носить шаровары, курить кальян и т.п.

Для сравнения: грузины, абхазы, осетины – народы, искони близкие культурно и цивилизационно.

Если же говорить о современности, то формула «столкновение цивилизаций» (конкретно: мусульманской и христианской, или производной от христианства) представляется чересчур общей. «Фронт» столкновения широк и на отдельных его участках складывается своя особая ситуация. Но о том, что происходит на основном его протяжении, точнее будет сказать так: здесь *разлагающаяся* (хотя далеко ещё не разложившаяся) европейская цивилизация сталкивается с мусульманским (или, если угодно, исламистским) *варварством* нового типа – помеченным печатью века сего. Косово – место, где первая особенно наглядно демонстрирует свою слабость, а второе свой неслабеющий напор.

Как говорит другая русская пословица, сбежались тучки в одну кучку. Прогноз легко выводим: быть ненастью.

* Получив в 2006 году престижную премию имени Генриха Гейне, Хандке все причитающиеся ему 50 тысяч евро передал косовским сербам.

Дмитрий Хмельницкий

Приветствие вождям

ВМЕСТО ПОЗДРАВЛЕНИЙ

У меня дома на стене под стеклом висят две старые газеты. «Красная газета» от 24 января 1924 г. сообщает о доставке в Москву из Горок тела умершего Ленина и о всемирной скорби по этому случаю. В «Труде» от 10 марта 1953 г. на первой странице фотография похорон Сталина и траурная речь Маленкова. Перед входом в Мавзолей гигантский, как для Гулливера, гроб. На трибуне Мавзолея все главные коммунисты мира, человек тридцать – мелко, но узнаваемо. Посредине Хрущёв и Маленков. Рядом Берия и Чжоу Энлай. На левом фланге кутается в платочек Долорес Ибаррури.

Дни рождений Ленина и Сталина проходят в постсоветской России совсем незаметно. Обоим сильно повезло. Ироническое равнодушие, с которым мы, советские люди, поминаем все имена вождей – лучшая и совершенно незаслуженная награда великим людям. Им везло всегда. Удалось сколотить партию совершенно нового типа. Удалось захватить власть. Удалось помереть своей смертью. Даже если Ильич перед смертью и огорчался, эти огорчения не идут ни в какое сравнение с предсмертными огорчениями его верных соратников. Зиновьев и Каменев огорчались сильнее. Культ Ильича, отретированный Виссарионовичем в своих интересах, пережил культ самого Сталина и будет жить ещё долго. Образ мудрого, интеллигентного, решительного и гуманного руководителя существует сам по себе, независимо от жутких реалий эпохи, о которой в России можно читать легально. Сталин оказал Ленину услугу, которую не собирался оказывать. Дух Ленина был призван держаться над головой самого Сталина. Голова почернела и отвалилась, а дух остался и выглядит на фоне личности Сталина и сталинской эпохи вполне идиллически. Естественный для Ильича дореволюционный фон ушёл в небытие так давно и прочно, что, казалось, никогда не существовал. Он пропал вместе с людьми, для которых именно Ленин был главным вурдалаком, погубившим вполне приличную страну.

Советская «оттепель» началась с «возврата к ленинским нормам», с простодушного Вознесенского, с «Уберите Ленина с денег!». «Оттепель» началась со сладкого ужаса осознания сходства между гитлеровским и сталинским режимами. Процесс осознания растянулся лет на сорок и до сих пор не достиг кульминации, хотя попутно не только кучка отщепенцев, но и весь советский народ превратились в эмигрантов, а Великая Родина самораспустилась. Наверное, понадобится ещё до чёрта времени, чтобы осознать глубокое несходство Гитлера и Сталина и увидеть

гораздо более близкие параллели между Лениным и Гитлером.

Есть простой психологический тест на выявление способности к абстрактному мышлению – из нескольких фигур исключить непохожую. В группе из трёх вождей – Ленин, Сталин, Гитлер – именно Сталин стоит особняком. Психология Сталина – загадка, чёрный ящик советской истории. Его взгляды, цели и вкусы до сих пор не расшифрованы. По тотальности политического террора и отлаженности придуманного им государственного устройства он далеко обогнал своих коллег.

По сравнению со Сталиным, Ленин и Гитлер просты и ясны как слеза. Оба – политические идеалисты, сочинившие идею и верно ей служившие. (Об идеях, руководивших Сталиным, и говорить смешно. Он любую мог вывернуть наизнанку.) Оба вышли из среднеинтеллигентской среды и активно занимались самообразованием. Обоих самообразование довело до полного разрыва со средой и её ценностями. Оба были харизматическими лидерами, окружёнными соратниками и единомышленниками (Сталина окружали только постоянно унижаемые подхалимы). Обоих любили товарищи по партии. Их власть, по крайней мере, в этом кругу, опиралась на уважение, а не на страх. Сталина тоже любили соратники, но не любить его было смертельно опасно. Гитлер вряд ли сохранил бы любовь Геббельса, если бы арестовал его жену. Сталин такое проделывал неоднократно.

Оба были социалистами. Оба мечтали о переустройстве мира и счастье человечества. Оба предполагали изъять из ослеплённого человечества некоторые недостойные счастья группы – один «классовых врагов», другой – «расовых». Оба получили власть в демократических странах и превратили их в тоталитарные и однопартийные. Ленин, правда, сделал это гораздо более зверскими методами, чем Гитлер. Но у него и положение было более сложное – пришлось воевать. Поэтому роль ЧК-ОГПУ в Советской России была неизмеримо выше, чем роль гестапо в Третьем рейхе. Ленин после захвата власти учинил в собственной стране террор в таких масштабах, на которые Гитлер решился только во время войны и только на чужой территории. Ленин и Гитлер уничтожили приблизительно одинаковое количество людей – 5–7 миллионов (Сталин – в несколько раз больше). За террором Ленина и Гитлера стояли безумные утопические идеи. Их реализация часто противоречила практической пользе режима, ставила его на грань краха. Ленину удалось краха избежать, Гитлеру – нет. Террор Сталина, напротив, был обусловлен практичес-

01/2009

кими, административно-экономическими соображениями. Он всегда шёл только на пользу – не населению, конечно, а режиму. Гитлер и Ленин были по-своему честными людьми – что думали, то и писали. Самые зверские приказы и тот, и другой отдавали, конечно, тайно, но стратегических намерений и целей особенно не скрывали. Гениальный мистификатор и абсолютный циник Сталин выглядит на их фоне пришельцем из иного мира.

Историческая несправедливость состоит в том, что посмертная судьба всех трёх сложилась по-разному. Гитлер стал единственным воплощением абсолютного зла в глазах всего человечества. В том числе и глазах советских людей, казалось бы, больше всех пострадавших от деятельности тройки. О Сталине, его политике, целях и личных качествах и через десятилетия после выхода «Архипелага ГУЛАГ» ведутся дискуссии. Часть вины за это ложится на Нюрнбергский процесс. При всех своих замечательных достоинствах в одном отношении он оказался фарсом – нацистских военных преступников судили в составе международного трибунала советские военные преступники. Руденко, обвиняющий Каль-

тенбруннера, так же как Сталин, обвиняющий Гитлера, – это было надругательство над идеей трибунала, которое все его участники не могли не осознавать. Одни с чувством бессилия, другие со злорадством. Пятьдесят лет понадобилось, чтобы общественность (европейская, но ещё не советская) задалась наконец вопросом, действительно ли Сталин лучше Гитлера или всё-таки такой же плохой?

А Ленин? Он тут вообще ни при чём. Всё было давно и неправда. Культ Ленина, обросший добродушными анекдотами, обернулся культом ритуального графического символа с лысиной и бородкой, не вызывающими у общественности, в противовес гитлеровским усикам, уже положительно никаких чувств. Образ Ленина сменился образом его мумии со сложной судьбой. Самая весёлая проблема российской политики – следует ли её похоронить или оставить лежать экспонатом.

Наверное, всё нормально. Очень трудно связать приказы о массовых расстрелах заложников со знакомым всю жизнь юным блондином на октябрятской звёздочке и пожилым мудрецом с картин Бродского. Не у всех получается.

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

Сергей Порохин

Генерал Дроздовский

К 90-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ 1 ЯНВАРЯ 1919 ГОДА

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в 1881 году в Киеве. Он был сыном генерала, участника севастопольской обороны¹. Учился в Полоцком кадетском корпусе, а затем Киевском, который окончил в 1899 году. По окончании Кадетского корпуса Михаил поступил в Павловское военное училище. Окончил его по первому разряду. Выпущен был в Лейб-Гвардии Волынский полк. Через три года в 1904 году Дроздовский поступил в Николаевскую военную академию Генерального штаба, но в тот же год добровольно оставил её и отправился на Русско-Японскую войну, воевал в рядах 34-го стрелкового Сибирского полка. Был ранен. Был награждён орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станисава 3-й ст. Возвратясь после окончания войны он вернулся в академию и блестяще её окончил эту академию в 1908 году. В 1912 году он обучается в Севастопольской авиашколе.

В начале Русско-германской войны служил в оперативном отделе Управления генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта, затем в штабе 27-го корпуса. Осенью 1915 года полковник

Дроздовский был назначен начальником штаба 64-й пехотной дивизии. На этой должности он проявил свои способности и знания. Однако по ранению отбыл на лечение в тыл. В январе 1917 года Дроздовский вновь на фронте: исполнял должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии. На этой должности его застала Февральская революция. В апреле 1917 года Дроздовский стал командиром 60-го Замосцкого полка и успел с этим полком совершить ряд блестящих боевых дел. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а затем и Георгиевским оружием. Революция разлагала армию, вызывала гнетущее состояние офицеров. В это время Дроздовский писал: «Оборвалось и рухнуло всё, чему я верил, о чём мечтал, для чего жил, всё без остатка, в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому я остаюсь на своём посту и останусь на нём до последнего часа»².

В ноябре 1917 года большевики захватили власть в стране. В это же время Дроздовский был назначен командиром 14-й пехотной дивизии, но вступить в должность не успел. Русская армия и её фронты быстро разваливались. Эта участь не

¹С.А. Порохин – полковник запаса, кандидат философских наук.

миновала и Румынский фронт. Сохранить боеспособность полков и дивизий в прежнем составе уже было невозможно. Осознав это, Дроздовский отбыл в Яссы. Там по инициативе Дроздовского началось формирование 1-й отдельной бригады воинов-добровольцев. Бригада из добровольцев, спаянная воинской дисциплиной создавалась в конце декабря 1917 года для того, чтобы цементировать войска разлагающегося Румынского фронта. Но настал момент, когда вместо помощи, командование фронта уже стало препятствовать формированию добровольческого соединения. Сохранялись неопределённые отношения с бывшими противниками Германией и Австро-Венгрией. Недавно сформированное войско Украинской народной республики относилось к отряду добровольцев враждебно. Дроздовский торопился. «Вопреки приказу (из) Штаба Румынского фронта о прекращении подобных формирований, отряд русских добровольцев Румынского фронта в составе около 1-й тысячи человек, в основном офицеры) под командованием полковника Дроздовского выступили 26 февраля из Ясс на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Корнилова. Пройдя походным порядком из Румынии до Ростова, Дроздовский 21 апреля занял Ростов после упорного боя с отрядами Красной Армии» – указывалось в уникальном биографическом справочнике Высших чинов Добровольческой армии, составленном Николаем Николаевичем Рутычем³. Путь отряда прошёл по маршруту: Яссы – Дубосары – Мелитополь – Ростов. По пути следования Дроздовский ликвидировал советские отряды, оказывающие ему сопротивление. После дерзкого освобождения Ростова отрядом Дроздовского, на очереди был Новочеркасск. Дроздовцы помогли восставшим казакам удержать город от атакующих его красных отрядов, часть сил которых была оттянута к Ростову. С освобождением Новочеркаска войско Дроздовского увеличилось ещё на тысячу добровольцев из числа его жителей. «За три недели стояния в Новочеркаске у нас было сыграно более пятидесяти свадеб» – вспоминал офицер из дивизии Дроздовского Антон Васильевич Туркул, ставший в последствии командиром Дроздовской дивизии, и генералом⁴. Из Новочеркаска Дроздовский выступил на воссоединение с Добровольческой «армией». 7 мая 1918 года в станции Мечетенской состоялся парад воссоединившихся войск, который принимал Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Михаил Васильевич Алексеев и её Главнокомандующий Антон Иванович Деникин. Отряд Дроздовского был переименован в 3-ю пехотную дивизию Добровольческой армии в составе 2-го офицерского стрелкового полка, 2-го офицерского конного полка и др более мелких подразделений. 3-я дивизия под командованием Дроздовского участвовала во всех боях 2-го Кубанского похода. В результате этого похода Кубань и Северный Кавказ были освобождены от засилья большевиков.

31 октября 1918 года в бою под Ставрополем Дроздовский был ранен в ногу. Он перенёс 8 операций, пошло заражение крови. Уже в госпитале Дроздовский в ноябре 1918 года был произведён в генерал-майоры. Скончался Дроздовский 1 января 1919 года в Ростове. «В мучениях, в окружённый группой близких и дорогих ему лиц – верных спутников его боевой жизни и славы»⁵. Причина смерти – заражение крови. Погребён Дроздовский был в Екатеринодарском соборе. «Деникин в связи со смертью Дроздовского издал приказ, заканчивающийся словами: «Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрёка»⁶. Через год с небольшим Армия Деникина вынуждена была оставить Кубань и Кавказ. Чтобы большевики не надругались над прахом героя, как это произошло с прахом Корнилова, было принято решение перевезти останки Дроздовского в Крым. «Гроб с прахом Дроздовского был вывезен командованием Дроздовской дивизии из Екатеринодара при отступлении в марте 1920 года и перевезён вместе с дивизией их Новороссийска в Севастополь. Снова тайно погребён в Севастополе. Место погребения знали только шесть человек»⁷. В составе Добровольческой армии кроме дивизии носящей имя Дроздовского, действовал ещё бронепоезд и бронепоезд, также носящие его славное имя.

Генерал Туркул, который командовал Дроздовской дивизией, писал о бывшем своём начальнике: «Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, сосредоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших воль, слитых в одну волю борьбы за Россию, и русской победы»⁸.

Дроздовцы и Донское казачество благоговейно чтут память о Вожде и Рыцаре и эти чувства искренне разделяет вся Белая Россия» – указывалось в Альманахе Денисова «Белая Россия»⁹.

¹ См.: Денисов С.В. Белая Россия – СПб – Нева-Ладога-Онега 1991, С. 102.

² Дроздовский М.Г. Дневник, – Нью-Йорк, 1963, С. 26.

³ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России. – М., Русский архив, 1997, С. 94.

⁴ См.: Туркул А.В. Дроздовцы в огне. – Л., Ингрия, 1991.

⁵ Денисов С.В. – Там же, С. 102.

⁶ Цит по: В. Бортневский Дроздовский, Туркул и книга «Дроздовцы в огне» // Туркул А.В. Дроздовцы в огне. – Л., Ингрия, 1991. С. 283.

⁷ См.: Рутыч Н.Н. Там же, С. 94–95.

⁸ См.: Туркул А.В. Дроздовцы в огне. – Л., Ингрия, 1991, С. 16.

⁹ Денисов С.В. – Там же, С.102.

Сентенции генерала Дроздовского (по: Туркул А.В. Дроздовцы в огне. – Л., Ингрия, 1991, С. 17).

• Только смелость и твёрдая воля творят большие дела.

• Только непреклонное решение даёт успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить свои высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая собственную гибель позорному отказу от борьбы.

01/2009

- Голос малодушия страшен, как яд.
- Нам остались только дерзость и решимость.
- Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, насколько времени. Это иго горше татарского.
- Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить своё отечество. Это символ нашей веры.
- Через гибель большевизма к возрождению России. Вот наш единственный путь, и с него мы не свернём.
- Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обречённый.

*Так характеризовал дроздовцев генерал Туркул:
(по: Туркул А.В. Дроздовцы в огне. – Л., Ингрия,
1991)*

- Дроздовцев, как и всех наших боевых товарищей, создала наша боевая, создала наша солдатская вера в командиров и вождей русского освобождения. С. 44.
- Приказ Дроздовского был для нас ни в чём неоспоримой, несомненной правдой. С. 45.
- Наш командир был живым сосредоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию. С. 45.

• Не будь в нас веры в правоту нашего боевого дела, мы не могли бы теперь жить. Служба истинного солдата продолжается везде и всегда. Она бессрочна, и сегодня мы также готовы к борьбе за правду и за свободу России, как и в девятнадцатом году. С. 45.

• Когда офицерская рота шла в атаку, командиру не надо было оборачиваться смотреть как идут. Никто не отстанет, не ляжет. Все идут вперёд, и раз цепь вперёд, командиры всегда впереди: там командир полка, там командир батальона. С. 45.

• Атаки стали нашей стихией. ...Стихийные атаки дроздовцев, без выстрела, о весь рост, сметали противника в повальную панику. С. 45.

• Смерть Дроздовского? Нет, солдаты не умирают. Дроздовский жив в каждом его живом бойце. С. 47.

• Каждый наш солдат, каждый стрелок, хотя бы из вчерашних пленных или из матросов, каждый, в ком дышала верная и смелая человеческая душа, вскоре же, можно сказать, преобразался, чувствуя нашу боевую силу, вдохновлённую верой в Россию, нашу человеческую правду. Они гордились быть дроздовцами, они с честью носили в огне наши малиновые погоны, тысячи тысяч их увенчаны венцом страдания в наших белых рядах, и все, кто мог, ушли с нами в изгнание. С. 255.

Ростислав Полчанинов

Мои встречи с Д.А. Левицким

КО ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ 9 ЯНВАРЯ 2007–2009

С Дмитрием Александровичем Левицким познакомил меня Женя Кашкин в марте 1943 г. во время моего первого приезда в Ригу по дороге во Псков. У Кашкина была своя союзная группа, а у Левицкого своя. В группу Левицкого, который был сперва членом студенческой корпорации «Рутения», а после окончания университета стал «магистр литерарум» и руководил членами корпорации, интересующимися литературой, историей и искусством. Д.А. Левицкий был членом Союза и в его студенческой группе было немало членов Союза. Дмитрий Александрович расспрашивал меня о жизни русских в Югославии, о союзной работе в довоенной Югославии, а затем в Берлине и Варшаве, где я в 1942 г. был, в общем, не так долго. О жизни русских в Югославии у Д.А. Левицкого были обширные знания и он, задавая мне вопросы, хотел просто сравнить то, что я ему говорил, с тем, что ему было уже известно.

Моя вторая встреча с Д.А. Левицким произошла в Русском комитете в феврале 1944 г. после приезда в Ригу в связи с приказом об эвакуации Пскова. Я имел адрес комитета и знал, что Дмитрий Алексан-

дрович является там заместителем председателя и управляющим делами комитета.

Д.А. Левицкий обрадовался моему благополучному приезду, и особенно тому, что я оказался в лагере для русских беженцев в бывшем рижском гетто, куда представителей Русского комитета латышские власти не желали допускать. Он прошел со мной к председателю комитета Георгию Александровичу Алексеву и объяснил ему положение. Г.А. Алексеев сразу же сказал, что принимает меня и мою жену на работу.

Как служащему комитета, мне приходилось часто встречаться с Д.А. Левицким и убедиться, каким замечательным человеком был Дмитрий Александрович.

Д.А. Левицкий был живой историей русских в Латвии и интересовался всем, что писалось на эту тему. Особенно его интересовало всё, что касалось зверского и таинственного убийства 12 октября 1934 г. Архиепископа Иоанна (Поммера), которое так и не было раскрыто. Ходили слухи, что убийцами архиепископа были советские агенты, которые использовали пребывание в Риге известного советского певца Л.В. Собинова,

якобы, хорошего знакомого архиепископа, убитого, якобы, в тот же день этими же советскими агентами. Этот слух был воспринят, как неопровержимая истина многими авторами, писавшими на эту тему.

Однажды в нью-йоркской газете «Новое русское слово» появилось письмо в редакцию рижанки Татьяны Константиновны Гиттер, урожденной Барышниковой, в котором она привела ряд фактов, опровергающих слух о причастности Л.В. Собинова к убийству архиепископа Иоанна. Письмо было напечатано в газете 19.09.1972 г. и было подписано «Татьяна Барышникова». Д.А. Левицкий обратился ко мне, как к сотруднику газеты и своему старому знакомому, с просьбой сообщить адрес автора.

Т. Барышникова – Т. Гиттер оказалась моей хорошей знакомой, и у нее состоялась моя третья встреча с Д.А. Левицким.

К.Т. Гиттер смогла доказать непричастность друга ее семьи – певца Собинова, и Левицкий своими статьями добился его реабилитации. Свою статью в рижском журнале «Даугава» Но.6/2003 г. Д.А. Левицкий закончил словами: «После смерти архиепископа Иоанна (Поммера) прошло 69 лет, но тайна его зверского убийства до сих пор не раскрыта. Зато настало время не связывать имя Л.В. Собинова с убийством архиепископа Иоанна. Ибо, как в свое время писала Т.К. Барышникова-Гиттер, слух об этом – ложный и его надо пресечь навсегда».

Никита Кривошеин

Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман*

Прежде всего, прошу о вашей снисходительности, поскольку я никогда не был исследователем и никогда не был специалистом по эмиграции.

Тот контингент, который собрался в этом очень приятном зале, видимо, не случаен, это люди биографически, лично связанные с репатриацией: Михаил Никитич Толстой, я сам. Но и другой общий

знаменатель нужно отметить: здесь присутствуют двое людей, отбывавших наказание за совершение особо опасных государственных преступлений – мой лагерный друг Борис Вайль и я.

Сегодня здесь в Санкт-Петербурге, изучающие и объекты исследования собрались вместе.

Вчера один из авторов перекрестил, если так можно сказать, Льва Давыдовича Троцкого в эмигранты, что мне показалось несуразным! Почему же тогда не сказать, что первый репатриант, к тому же

* Доклад на Международной Конференции «Нансеновские чтения». Санкт-Петербург 2008 г.

01/2009

добровольный, был Владимир Ильич Ленин. С его собственной точки зрения, его репатриация оказалась настолько успешной, что этот репатриант продолжает поныне пребывать в центре российской столицы и излучать вредные волны, а город, где мы пребываем, к сожалению, и сейчас насыщен его топониимкой. И это почти сто лет спустя после отбытия из Цюриха! Вот видите, какая это была удачная репатриация.

Кто репатрируется? Эмигрант. А кто есть эмигрант? Это очень трудное определение. Говорили о беженцах, было такое выражение «ветром сдуло», случайность унесла. Видимо, эмигранту наиболее точное, наиболее прецизионное определение дано Александром Исаевичем Солженицыным, если не ошибаюсь, в замечательном тексте «О наших плюралистах». «Эмигрант – это тот, который строит свою жизнь так, чтобы смочь вернуться в страну исхода, или, в случае невозможности, ускорить время этого возвращения». Ну, тут легко понять, что иностранная рабочая сила (мигранты), что молokane и духоборы, оказавшиеся в Канаде, высланные и уехавшие из Империи, а также этнические немцы и евреи покинувшие бывшее СССР – их нельзя считать эмигрантами. Определение Солженицына, абсолютно сужает поле размышлений, позволяет точный подход к предмету.

Предыдущие авторы очень хорошо обозначили, что Советы абсолютно сознательно с самых первых лет, если не месяцев, своего бытия стали проводить линию заманивания эмиграции для их последующего уничтожения. Конечно, там был момент использования «спецов», но сводилось к уничтожению и, если в редких случаях не к физическому, то, конечно, к духовному сведению на нет.

Была репатриация, репатриация, как осуществление солженицынского определения эмиграции. Она захватила очень многих, которая возникла почти сразу после поражения в гражданской войне. Позднее попробую подробнее рассказать о послевоенной репатриации из Франции.

Но были и странные, психологические, косвенные пути репатриации, иногда предшествовавшие физическому возврату или подменявшие его. То есть перестать быть в противоречии, в ощущении дискомфорта по отношению к стране родителей, её языку, религии, культуре, в тоске, в фрустрации по которым люди воспитывались. Некоторые молодые русские-французы принимали восторженное отношение к первому репатрианту Ленину мироощущение, то есть марксизм-ленинизм и коммунизм. Вас удивило бы количество людей второго поколения первой эмиграции, вступивших, особенно до (и после) десталинизации в ряды французской Компартии и не репатрировавшихся. Марина Влади и ее сестры были членами французской Компартии и тем гасили свой душевный дискомфорт. Покойный граф Степан Татищев, с любовью описанный в Солженицынских «Невидимках», который был культурным атташе посоль-

ства Франции и оказал огромную помощь советскому резистансу в 60–70-е годы. Он был недолгое время убеждённым членом Коммунистической партии. Некоторые эту модель душевного комфорта сохраняли квазирелигиозным образом, это было для них вместо веры. Можно назвать двух репатриантов, вам, конечно, известных, сидевшую Ариадну Эфрон, дочь Цветаевой, и Алексея Эйснера, мемуары которого публиковались в «Новом мире». Он в эмиграции был диаконом, снял с себя сан, стал коммунистом, поехал воевать в интербригады и по репатриации сразу же получил положенное, свой «червонец». Ни Эфрон, которая была на Воркуте, ни Эйснера, который отбывал на Колыме, не удалось исправительно-трудовым учреждениям перевоспитать. Они освободились после 1956 года, вернулись в столицу. Эфрон умерла коммунисткой, а Эйснер только в 1968 году, его не взял ни XX-й съезд, не взял и Будапешт, только в 1968 году, после «братской помощи» народу и правительству социалистической Чехословакии, сказал приятелю Ариадне Эфрон, тоже репатрианту Дмитрию Сеземану «каким я был дураком». Но к этому времени он уже был очень пожилым человеком.

Решение репатрироваться, уравнение крайне сложное, в него входят очень много вслепую неизвестных факторов. Часто это результат абсолютно неустойчивости, вся эта киноромантика вождения такси по Елисейским полям была крайне дискомфортной, а потому людям думалось, что поближе к бывшему своему имени заживется лучше, да и язык понятный. Во многом это был результат полной социальной неприспособленности в невоенном социуме и языке.

Очень важным моментом в принятии решения о репатриации, это скорее относится к офицерству, к дворянству, поскольку дворянство как мне помнится, было задумано как служивое сословие, было желание служить, быть полезным. Кандидатам на репатриацию думалось, моему отцу в частности, что возвращение в страну исхода станет возможностью ей служить, быть полезным. Но эти намерения по известным причинам не осуществились. Хотя можно оговориться: в конце концов, реэмигранты, оказавшиеся после войны в СССР, я убежден в этом, своим пребыванием, тем излучением, которое от них шло, хотя бы на день, на полтора, а может быть, и на целую неделю ускорили наступление 22 августа 1991 года, то есть конца советов и коммунизма.

Репатриация предполагает, конечно, то, что Джон Ле Каре называл сменой лояльности. Не хочу говорить словами статьи 58-1-а Уголовного кодекса бывшей РСФСР «Измена родине», но момент измены идеалам отцов, конечно, был. И он требовал объяснения. Одно из этих объяснений – название книги княгини Зинаиды Шаховской, написанной в 60-е годы, «Моя Россия, перерядившаяся в СССР». В России насколько я знаю она не вышла. И конечно, эта маскировка Советского Союза

в Россию начавшаяся в 1940 и завершённая в 1943 была одним из самых производительных и сработавших инструментов обмана народов России в заманивании эмигрантов.

Можно ли считать вот таким первым изменением лояльности и первой своего рода репатриацией судьбу тех белых солдат, офицеров, которые послушались письменных обещаний данных в Крыму Бель Кунь и Розалией Землячкой, которые не сумели сесть на убывающие английские катера: «приходите, зарегистрируйтесь, вам все прощено». Они им доверились. Кто поумнее, всё-таки скрылся, спрятался и постарался из Крыма как-то уйти. Забыл точную цифру, 5–6 тысяч человек пришли, зарегистрировались. В Феодосии и Симферополе состоялись массовые, многотысячные расстрелы. Вот это и был результат, если можно сказать, их репатриации, это был переход через линию фронта и это была смена лояльности. Тогда погиб сын писателя Шмелёва, посмертно репатриированного, но уже в виде гроба.

Одной из таких аксиом репатриации, в особенности военной, является английская максима «My country right or wrong» – «моя страна, права она или не права».

Да это был денкинский подход – пусть большевистская, но родина, но Россия, и мы отказываемся воевать против неё.

Тут уже, вы меня простите, я перейду немного в метафизику, есть церковный и поныне не отменённый принцип, что неправомерному и аморальному приказу, даже принесший присягу, человек вправе не подчиняться. Отношение к тоталитарной системе, к стране и к месту ее злодеяний – это вопрос трагический, т.е. не имеющий удовлетворительного ответа.

Когда моего отца в 1944 арестовало Гестапо, он работал в Сопротивлении с осведомителем, офицером главного штаба Вермахта во Франции, майором Бланке. Сейчас в Музее Сопротивления в Берлине ему посвящён стенд, он был офицером, принесшим присягу, но и убежденным антинацистом. Он сам предложил отцу свои услуги, сказав «хочу помочь не за деньги, единственное, о чём прошу, разрешения жить в Европе после поражения Рейха, я хочу помочь ускорить исчезновение гитлеровского режима». То есть это была смена лояльности зеркальная, та измена лояльности, которая возникла у власовцев, чаще всего по тем же побуждениям. В «Архипелаге» они замечательно обозначены, как кони, мятущиеся в горящей степи. То есть полная потеря ориентиров, наперекор аксиоме «My country right or wrong», аксиоме оказавшейся в XX веке трагической.

Люди стремились репатриироваться по разному. Об этом недавно снят замечательный фильм Михаила Казакова «Очарование зла». Один из видов заманивания был таким: приходили в советские представительства и говорили: «нам хочется вернуться, нам хочется домой, мы здесь больше не можем». Их

собеседники отвечали: «нам трудно вам поверить на слово, докажите, пожалуйста, свой патриотизм на деле». Ну, вот и Эфрон доказал свой патриотизм с известным вам результатом, репатриировался, он добился своего, но очень не надолго. Предавший генерала Миллера, и весь РОВС, и свою присягу, и свою веру генерал Скоблин сумел уйти от ареста французской полиции через окно верхней квартиры. Данное сотрудниками «Ино» обещание было как бы сдержано, ему сказали: «мы вас сейчас повезем на родину». Посадили в самолет, который шел в Испанию, в Барселону под контролем интербригад и огромного количества чекистов. Но по пути Скоблина из самолета выкинули. Так что его репатриация состоялась, но не совсем.

А преданный им генерал Миллер оказался на Лубянке, захриходованный туда под фамилией Иванов. Можно допустить, что у него появилось какое-то ощущение возвращения в страну (смех). Это не смешно. В его деле сохранились несколько его заявлений лично на имя народного комиссара Ежова с мольбой, с обещанием, с офицерским честным словом, что он не будет пытаться бежать или как то проявлять себя, он умоляет об одном, скрытно повести его на литургию, чтобы он мог в русской церкви помолиться. Вместо этого его повезли в крематорий Донского монастыря и под фамилией Иванов, а не под своей фамилией Миллер, умертвили.

Были до войны и знаковые репатрианты, которых никто не тронул по возвращению в СССР, которые послужили, и так замысливалось, заманом для более массового возврата в страну: среди них Эренбург, Прокофьев, Куприн, Билибин, Алексей Толстой, генерал Игнатъев... Каждый из них свою цену заплатил, разные цены были и прейскурант был разным.

Наиболее трезвые люди, их было мало, очень мало, понимали, что возвращаются, как бы сказать, в не легитимный режим, это самое мягкое, что можно сказать о стране Советов. Но хоть и в не легитимный режим, но в свою родную страну, вернуться и ей послужить. А у большинства из возвращенцев, конечно, происходило при возвращении психологическое отождествление страны с режимом. Да, Сталин стал как бы восстановителем единой и неделимой, возвращение погон, открытие церквей, прославление Суворова. Мало кто помнит, что газета «Правда» перестала выходить с призывом «Пролетарии всех стран соединяйтесь», а было написано «За нашу советскую родину». Тогда же был распущен Коминтерн, а Сергей Владимирович Михалков сочинил «Союз нерушимый» с Эль-Регистаном, и вся эмиграция ликовала, что «Союз нерушимый», вместо Интернационала. Вот весь этот компаунд, весь этот набор символики тоже сыграли определённую роль. А из СССР приезжали уговаривать возвращаться эмигрантов такие зубры как Эренбург, Константин Симонов, людей, у которых, не боюсь сказать, креста на них не было, что они это делали. А что креста не было, и какой-то епископ,

01/2009

прости Господи, приезжал уговаривал и обещал неприкосновенность, в то время как митрополит Николай Крутицкий в частных беседах шептал... «не езжайте».

Задачу коллективного возвращения ставили перед собой самые крупные политические объединения: РОВС, – путем уничтожения, военного поражения советов, но этого не получилось. Евразийцы признали режим: Святополк Мирский отбыл неполные 10 лет, кажется, он умер на Колыме. Но как ни странно, Евразийству удалось репатриироваться, оно сейчас возродилось в современной русской интеллигенции в виде целого течения. Младороссы тоже по-своему признали режим. У них был лозунг «Царь и Советы». Их «Вождь» Александр Казем-Бек стал после войны сотрудником советских спецслужб и закончил жизнь благополучным референтом Отдела Внешних Церковных Сношений Московской патриархии. Но вернувшиеся Младороссы с ним в основном уже в России не общались. Вот такой странный возврат на родину. Я не назвал Народно-Трудовой Союз (НТС), который тоже ставил перед собой задачу свергнуть, как говорит Уголовный кодекс, существующий строй, и который эту репатриацию, свою задачу вернуться после 1991 вполне осуществил. Многие руководители Народно-Трудового Союза вернулись в Петербург и Москву, Народно-Трудовой Союз существует, издает журнал «Посев», книги и активно присутствует в России.

Пик возвращения был в послевоенные годы, после опубликования Указа Президиума Верховного совета от 14 июня 1946 года. Я был бы очень благодарен, если среди специалистов, изучающих историю эмиграции, кто-то нашел бы данные о том, как этот Указ разрабатывался, готовился, какие были директивы по его осуществлению. Этому периоду посвящены ярчайшие дневники Петра Ковалевского. Я хорошо помню, какими галлюцинациями была охвачена первая эмиграция в 1946 году в Париже.

Сошлюсь на мой маленький опыт. Надеюсь вы мне психологически посочувствуете: у меня с рождения над детской кроваткой висела цветная гравюра императора Николая II. Вернувшись из Дахау, мой отец снял это знаковое изображение и заменил черно-белой фотографией генералиссимуса Сталина. Освоиться с этим, тем более подростку, было непросто.

Петр Ковалевский рассказывает как митрополит Евлогий хотел всю эмиграцию разом перебазировать в Советский Союз. Служились молебны за раба Божия Иосифа. Известный эпизод: адмирал Вердеревский, Маклаков, Ремизов и другие ходили обедать к послу Богомолу и Молотову. Молотов звал переезжать: «знаете, семья не без уroda, кто-то, может быть вас и не поймет, но если у вас будут трудности, пожалуйста, пишите прямо мне». Потом ему очень многие писали...

Степень ослепления была велика: совпатриотические настроения во времени совпали с тем, как

десятки, сотни тысяч власовцев, перемещенных лиц, казаков, оstarбайтеров делали всё, чтобы только не вернуться назад и оказаться в социалистическом раю. Стоит ли напоминать о выдачах в Лиенце и не только там, когда молодые матери убивали своих младенцев и убивали себя, когда люди десятками вешались, чтобы насильно не оказаться погруженными Союзниками в грузовики СМЕРШа, потому что они знали, куда эти грузовики поедут. Эти люди бежали во Францию, скрывались, их рассказам не верили, считали их изменниками.

Если это не трагедия, то кто Софокл? Надо вспомнить князя Константина Ясеевича Андроникова, который 9 мая 1945 года, когда весь Париж был увешен флагами пяти великих держав-победительниц, он смастерил из простыни и домашнего красителя русский триколор и вывесил из своего окна. Он понял, кто на самом деле победил. Он и его будущая супруга, и не они одни, скрывали, прятали от групп полковника Тавадзе, начальника советской военной репатриационной миссии, советских беглых, будущих перемещенных лиц, а французы в те времена терпели на своей территории физические похищения, физическое заключение в лагере Борегар и физический насильственный вывоз в СССР. И это до ноября 1947 года, когда состоялась высылка группы эмигрантов принявших советское гражданство и закрытие лагеря Борегар – это было одним из основополагающих моментов положивших начало холодной войне.

Некоторые из репатриантов тщательно сохранили, оказавшись в СССР ещё при жизни товарища Сталина, опять же из психологического комфорта свою младоросскую модель, они так и не решились прозреть. Тому пример книга Александра Угримова «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту». Цитирую приблизительно и чуть утрированно: автор полгода ждал, что его неизбежно придут арестовывать в Саратове и дождался. Он рассказывает: «Вот пришли меня арестовывать трое молодых людей с такими открытыми хорошими русскими лицами...». То же состояние ума показано у одного из персонажей в замечательном фильме об эмиграции и репатриации Демурова и Эпштейна «Не будем проклипать изгнание»: репатриант-сиделец Данзас простоудушно говорит с экрана, что за возможность курить махорку и смотреть, как из газеты скручивается козья ножка, он охотно пребывал в Ухтинских шахтах. Тут рационализма Декарта не было и близко...

В заключении напомним, что я начал своё выступление с первого репатрианта В.И. Ленина. Думаю, что репатриация закончилась возвращением Александра Исаевича Солженицына в освободившуюся Россию. Он стал последним репатриантом, вместе с такими людьми как Ростропович, Кублановский, и многие другие, но главный репатриант, последний – это Александр Исаевич Солженицын, и с его возвращением закончилась эмиграция, как жизнь и желание вернуться, а потому закончилась и репатриация.

Виталий Драгомирецкий

Афганское общество В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

К 20-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЫВОДА ВОЙСК

Большинство локальных конфликтов, которые пережил мир в двадцатом веке, можно характеризовать как военное противостояние различных доктрин, идеологий, систем мировоззрения и, прежде всего, культур. В некоторых случаях уровень культур противостоящих сторон отличался не столь значительно, но в основной массе локальных войн он был принципиально разным. Война в Афганистане в этом ряду не является исключением, скорее наоборот. Поэтому ввод советских войск в Афганистан и последовавший вслед за этим военный конфликт, прежде всего, нужно характеризовать как противостояние двух совершенно различных культур и мировосприятий. Из многих примеров мировой истории можно сделать вывод о том, что столкновение различных по своей сути этносов, культур, социумов, мировоззрений всегда влечет за собой определенные перемены в историческом и культурном развитии. Наиболее негативные последствия при взаимодействии различных культур происходят в том случае, если представители одной из них пытаются применить силовой вариант, вторгаясь в среду другой, навязывая свою систему представлений, взглядов и восприятий. Афганская война – тому пример.

Говоря о восприятии представителями ОКСВА («Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане») афганского общества, следует отметить, что оно не было однородным и однозначным по своей сути. Воинский контингент в Афганистане включал в себя представителей различных народов, религиозных взглядов и культур. К примеру, среди советских солдат и офицеров было немало представителей народов Средней Азии, прежде всего узбеков, таджиков, а среди населения Афганистана достаточно большой процент составляли именно таджики. Поэтому население и культура Афганистана воспринимались выходцами из Средней Азии в большинстве случаев как близкая, родственная в этническом и религиозном аспекте. В некотором смысле близкой ее можно назвать и для других представителей исламского вероисповедания, служивших в составе ОКСВА: татар, дагестанцев, чеченцев и др. Чуждой и непонятной она была для основной массы солдат и офицеров, составлявших абсолютное большинство советского контингента, – представителей славянских этнических групп.

Восприятие другого мира, принципиально иной культуры «воинами-афганцами» строилось глав-

ным образом на основе непосредственного, личного контакта и взаимодействия с населением Афганистана, поэтому осознание иного жизненного уклада, иных стереотипов мышления и поведения было эмоционально насыщенным, образным, что в первую очередь, нашло свое отражение в источниках личного происхождения и литературном творчестве.

В особенностях восприятия советскими солдатами и офицерами необходимо учитывать ряд важных факторов, которые в той или иной мере способствовали формированию взглядов, представлений, стереотипов и предрассудков в отношении афганского общества как носителя принципиально иного типа культуры. Прежде всего, нужно отметить то, что ситуация восприятия исламского общества Афганистана происходила в экстремальных условиях боевой обстановки на территории чужого государства среди населения, в основной своей массе враждебно настроенного против иноверцев. Кроме того, для каждой из противостоящих сторон война в Афганистане имела свои цели и задачи, свой особый характер

01/2009

и направленность. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. основной своей целью, согласно тогдашней официальной версии и существовавшей военной доктрине, преследовал защиту южных границ СССР и оказание помощи афганским революционерам, в соответствии с провозглашавшимся лозунгом об интернациональной помощи. В результате этого советские военнослужащие оказались втянутыми в гражданскую войну, достаточно быстро перешедшую в партизанскую. Фактически можно говорить о том, что оппозиция центральной власти повела национально-освободительную войну против советских солдат и офицеров, восприняв ввод ОКСВА как оккупацию территории Афганистана.

Восприятие советских военнослужащих в качестве агрессоров, да к тому же иноверцев, придало конфликту ярко выраженную радикальную религиозную направленность. Кроме всего прочего, ряды оппозиции, ведущей вооруженную борьбу против «неверных», постоянно пополняли представители мужского населения мирных кишлаков, пострадавших в результате бомбардировок, осуществлявшихся советской авиацией, либо в ходе войсковых операций и «зачисток». В дополнение ко всему вышесказанному нужно добавить тот факт, что советские солдаты и офицеры, участвовавшие в боевых действиях в Афганистане, в подавляющем большинстве были людьми достаточно молодыми, не имевшими достаточного жизненного опыта и сформировавшихся взглядов и представлений, поэтому именно их восприятие афганского общества отличается особой остротой и эмоциональной насыщенностью. Средний возраст военнослужащих составлял от 18 до 25 лет, и именно на эту возрастную категорию приходится основное количество раненых в ходе боестолкновений и безвозвратных людских потерь.

Самым большим первоначальным потрясением для молодых солдат и офицеров, попавших в Афганистан, была та действительность, та окружающая атмосфера и обстановка, в которой они оказались. Они словно перенеслись во времени из века двадцатого в век четырнадцатый (по магометанскому летосчислению), попав в эпоху средневековья с феодальным жизненным укладом. Вот как об этом вспоминает рядовой Сергей Локтионов: «Какое впечатление может быть у восемнадцатилетнего парня, который вот так перепрыгнул из двадцатого века в четырнадцатый? Причем в буквальном смысле слова: магометанское летосчисление – а по их календарю это был, если не ошибаюсь, 1361 год, – вполне соответствовало тому, как они там живут и что у них там происходит».

Поражала и вызывала жалость у солдат и офицеров та крайняя нищета и бедность, в которой жили афганцы. Многим вспоминаются толпы вечно голодных, грязных детей, постоянно выпрашивавших еду. Из воспоминаний одного из офицеров:

«Снующие всюду, неугомонные, оборванные и грязные... ребятишки, постоянно повторяющие... "Командор, дай бакшиш!"».

Но еще большее потрясение вызывало у военнослужащих то, что наряду с нищетой, на общем фоне бедности и отсталости, при очень низком уровне жизни, на прилавках афганских торговых лавок-дуканов можно было купить самую современную аппаратуру, одежду, обувь и т.д. Всего этого нельзя было свободно купить в Союзе. Эта контрастность, конечно, поражала воображение. Вот как пишет о рынках Кабула писатель и военный журналист Виктор Верстаков: «К достопримечательностям Кабула относятся, конечно, базары и бесконечные торговые лавки-дуканы, где можно купить все: от японских транзисторных магнитофонов до кучки дров, которые продают на вес, укладывая кривые сучья на чаши самодельных рычажных весов». В этом описании автор четко указывает на контрастность материального уровня жизни афганцев. Вот как об этом вспоминает участник афганской войны сержант Виталий Кривенко: «Если б не эта проклятая война! Ведь в какой удивительной стране нам пришлось служить. Афганистан – страна, словно из сказки "Тысяча и одна ночь". Она абсолютно не тронута цивилизацией, и, находясь там, каждый воистину ощущал себя на Востоке. Там не было ни промышленности, ни фабрик или заводов, в общем, никакого прогресса. В Афгане ничего не производили и жили одной торговлей. Караваны ходили в Пакистан и Иран, а оттуда же везли товар. В дуканах можно было купить все, от импортной электроники, аппаратуры, шмоток и прочего до запчастей на любую технику. Часто бывало, что в полку на складе ходовых запчастей нет, зато в дукане – пожалуйста, приходилось покупать».

Очень большое влияние на сознание военнослужащих оказала, безусловно, религиозность исламского общества Афганистана, что отразилось, прежде всего, в литературном творчестве ветеранов и источниках личного происхождения. Этот фактор был достаточно действенным, особенно если учитывать то, что основная масса солдат и офицеров воспитывалась в атмосфере атеизма.

Непонимание психологии и обычаев чужого народа приводило к тому, что политика, проводимая «шурави» в отношении афганцев, в соответствии с принципами советского социалистического развития, вызывала неприятие и отторжение. Из воспоминаний бывшего военного советника: «...Крестьяне (декхане) не хотели брать землю, которую им дарили, потому что она принадлежит аллаху».

В то же время, наряду с непониманием многовековых обычаев и традиций, по которым жили афганцы, у многих возникало чувство уважения к ним и к людям, их соблюдавшим. Вместе с тем советские солдаты и офицеры все чаще задумывались над тем, насколько они чужие со своим пониманием жизни и мировосприятием для населения Афга-

нистана. Вот как об этом, с чувством вины, вспоминает рядовой, артиллерист: «Под Баграмом зашли в кишлак, попросили поесть. По их законам, если человек в твоём доме и голодный, ему нельзя отказать в горячей лепешке. Женщины посадили нас за стол и покормили. Когда мы уехали, этих женщин и их детей закидали камнями и палками. Они знали, что их убьют, но все равно нас не выгнали. А мы к ним со своими законами... В шапках в мечеть заходили...»

И все-таки, в большинстве случаев, столкновение различных по своей сути культур и традиций, совершенно противоположных представлений и взглядов на многие жизненные реалии, порождало, прежде всего, взаимное неприятие и постоянно нарастающую напряженность в отношениях. Ненависть с обеих сторон по отношению друг к другу с течением времени становилась только сильнее. Эту ситуацию усугубляли постоянные военные операции, проводимые силами ОКСВА, бомбардировки селений, зачистки кишлаков, при которых в первую очередь страдали мирные жители. С расширением масштабов проведения боевых операций росло и сопротивление населения. Советский контингент все сильнее втягивался в войну. Предпринимавшиеся попытки силового решения в афганском вопросе влекли за собой только все большее вооруженное сопротивление.

Одна из главных причин сложившейся ситуации – попытка решения возникавших проблем исключительно радикальными силовыми методами, без оглядки на чужую культуру и обычаи. В Афганистане были очень сильны родо-племенные обычаи и большую роль играли кровно-родственные связи, зачастую по обе стороны противоборствующих сил находились люди, связанные родственными отношениями, что придавало этой войне весьма своеобразный характер. Вот как об этом вспоминает бывший советник С. Селиверстов: «Конечно, у нас были информаторы. Люди помогали нам по самым разным причинам – из мести или желания уничтожить конкурента. Не последнюю роль играли родственные чувства. Например, один брат работал в уголовном розыске, а другой состоял в банде. Брат из Царандоя сообщал брату-бандиту о планах Царандоя, а тот, в свою очередь, о намечающихся операциях банды».

Интеллигенция и образованный слой афганского общества, часть которого проходила обучение и в высших учебных заведениях СССР, составляли очень малый процент людей. Подавляющее большинство населения Афганистана жило в условиях и традициях, в которых жили многие поколения их предков. Многие из них даже не знали о событиях, происходивших в стране. Старший лейтенант 860-го отдельного мотострелкового полка Н. Белашов писал в своем дневнике: «Из первых бесед тяжело уяснить, почему большинство дехкан не имеют даже представлений об Апрельской революции.

Только отдельные говорили, что Амин – это плохо, а что плохо, объяснить не могли, хотя наши переводчики и старались им помочь. О Бабраке Кармале не имеют никаких представлений. Мы крепили к их одежде значки с изображением Ленина, приговаривая: “Москва – Кабул, Советский Союз – Афганистан, Брежнев – Кармаль – дружба”. Но они, по-моему, ничего не понимали. Главным для них был кусок хлеба. Многие доселе никогда не видели, наверное, и сахара».

Афганцы жили в своем замкнутом мире, который характеризовался традиционным жизненным укладом. Естественно, что они были далеки от какой бы то ни было политики и общественной деятельности так же, как и от всего остального, что не укладывалось в рамки их собственных представлений об окружающем их мире и о своем месте в нем. К примеру, о том, как афганцы несут службу в армии, О. Жемайтис указывал в своем дневнике: «В Афганистане нет военкоматов, и набор в армию проводится довольно примитивно – окружают кишлак войсками и хватают всех парней призывного возраста, переодевают их, дают им в руки оружие и зачислят в свои подразделения».

Не учитывались в этой войне и особенности психологии афганцев, их приверженность к религии и мусульманским обрядам. В частности, не все знали о существовании у афганцев одного из древнейших родовых обычаев – законе кровной мести. Из воспоминаний полковника в отставке В. Баранца: «Недалеко от дороги было кладбище – бессистемная россыпь могильных камней, возле которых пестрели на палках разноцветные лоскутки зеленой, красной и белой материи... Спросил у водителя, почему лоскутки у могил имеют три цвета. Он ответил, что зеленый означает благополучное пребывание мусульманина в раю. Красный – за погибшего еще не отомстили. Белый – знак отмщения. Оглянувшись, я увидел, что больше всего на кладбище красных ленточек...»

Вследствие всего этого, гражданская война в Афганистане, в которую постепенно был втянут советский воинский контингент, достаточно быстро перешла в разряд партизанской с ярко выраженной религиозной направленностью. Бесперспективность такой войны осознавалась большинством военнослужащих, особенно теми, кто был хоть немного знаком с историей Афганистана и обычаями его населения. Вот как вспоминал об этом подполковник в отставке А. Котенев, делая вывод о бесконечности подобной войны: «Помогло знакомство с историей и этнографией Афганистана. В любом кишлаке, у каждого рода, клана, племени есть так называемые «лашкара» – ополченцы. Они образуют отряды численностью от десятка до нескольких тысяч человек. Могут быть и межплеменные формирования. В них посылают самых опытных, сильных и смелых воинов. Война с «лашкарой» для любой регулярной армии бесперспективна, если речь

01/2009

не идет о победе любой ценой. Ведь место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник».

Оппозиция центральной власти в Кабуле, поддерживаемой силой советского оружия, вела войну, направленную, в первую очередь, против чужаков, в роли которых выступали «шурави». Для афганцев они были, прежде всего, интервентами, пришедшими и захватившими их земли и пытавшимися навязать чуждые народу Афганистана правила и взгляды. Кроме всего остального, они не были представителями «истинной веры» – ислама, поэтому борьба с ними приобретала религиозный характер. Она объявлялась священной, и ведение этой войны считалось долгом каждого истинного мусульманина. Гибель воина во время «джихада» – священной войны с «неверными» считалась почетной и доблестной, обеспечивавшей ему место в «райских садах» Аллаха. В ходе этой войны советские солдаты и офицеры в полной мере ощутили на себе особенности восточной психологии и мышления, во многих ситуациях – проявление религиозного фанатизма. Вот как, со слов непосредственных участников боевых действий, пишет о религиозных чувствах афганцев журналист Е. Лосото: «Духи смерти в бою не боятся: „Аллах позвал в лучшую, чем сейчас, жизнь“, но они мучительно боятся бескровной смерти, например, быть повешенным или задушенным: такой Аллаха не нужен и попадает в ад».

Отношения между самими афганцами в ходе войны были достаточно жесткими, зачастую жестокими: воин мог серьезно пострадать за любую провинность. Поскольку отношение афганцев к жизни и судьбе было фаталистичным и строилось на исламских догмах и правилах, то все, что происходило и совершалось, считалось волей Аллаха, и казни провинившихся были обычным делом. Из журналистских заметок Е. Лосото: «Накануне вылета в провинцию узнаем, что над Баграмом только что “Стингером” сбили наш военный самолет, прилетевший из Кабула... Выясняется, что под Баграмом у духов есть Сайд. Сегодня у Сайда праздник: у них все по деньгам, за сбитый самолет платят миллион афгани (это цена “Мерседеса”). У Сайда двойной праздник: ему не отрубят голову. Из трех выпущенных “Стингеров” одним он обязан сбить самолет. Если он три “Стингера” потратит зря, ему отрубят голову. Это обычные нравы нашего противника: все по деньгам и по любому поводу рубят голову. Этот “Стингер” был третьим».

Подводя итог вышеизложенному, нужно еще раз сказать о том, что восприятие афганского общества как носителя чуждой культуры и традиций происходило в экстремальных для советских солдат и офицеров условиях ведения боевых действий на территории исламского государства. Этот фактор, безусловно, оказал сильное воздействие на психо-

логию и поведение военнослужащих. Отношение к афганцам со стороны «шурави» было неоднозначным и неодинаковым по своей сути. Некоторые относились к афганцам с жалостью. Но в условиях партизанской войны, когда моджахеды действовали при широкой поддержке местного населения, очень трудно было понять, кто тебе друг, а кто враг, и откуда ждать удара.

Вот строки из стихотворения В. Ковалева, в которых автор отобразил один из стереотипов массового сознания на афганской войне:

*Получше, парень, в прицел смотри,
Беда идет по пятам.
Здесь горы злые и люди злы,
И зол как черт, ураган.
Дувалы зло разевают рты.
Здесь даже ветер чужой...*

В таких условиях в сознании большинства военнослужащих все вокруг было враждебным и врагом становились все окружающие их афганцы, из-за чего очень страдало мирное население, прежде всего женщины и дети. Вместе с этим постоянно присутствовало ощущение ненужности и абсурдности своего пребывания в чужой, непонятной стране, понимание того, что они стали в определенном смысле солдатами чужой войны.

После Афганистана очень острой стала проблема социально-психологической адаптации ее участников к мирной жизни.

Война в Афганистане стала предшествующей в ряду многочисленных локальных войн и конфликтов, произошедших на территории бывшего СССР и Российской Федерации. Ее окончание совпало с появлением новых очагов напряженности – в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане. Через афганскую войну прошли сотни тысяч советских солдат и офицеров. Только в России ветеранов-«афганцев» около 400 тысяч.

Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М.: Молодая гвардия, 1991.

Афганистан болит в моей душе: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане / Лит. Запись П. Ткаченко; Предисл. Ю. Теплова. – М.: Молодая гвардия, 1990.

Афганский дневник // Независимая газета. 2005. 4 марта.

Баранец В. Потерянная армия // Родина. – 1999. – № 2.

Верстаков В. Афганский дневник. – М.: Воениздат, 1991.

Жемайтис О. Афганский дневник // Вопросы истории. – 1998. – № 2.

Карпенко А. Третья сторона медали. Стихотворения. Афористическая проза. – М.: Профиздат, 1991.

Кривенко В. Экипаж машины боевой. – СПб.: Крылов, 2004.

Лосото Е. Афганистан в нашей судьбе. – М.: АПН, 1989.

Лосото Е. Командировка на войну. – М.: Книга, 1990.

Морозов И. Махтуба // Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-«афганцев». – М.: Граница, 1991.

Сенявская Е. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999.

Стрельцова Н. Возвращение из Афганистана. – М.: Молодая гвардия, 1990.

Олег Шакиров

Немец с русской душой

21 декабря 2008 года в городе Харькове, дабы почтить память достойного человека, русского царского офицера – графа Федора Артуровича Келлера, по инициативе атамана Чугуевской городской казачьей общины «Пластунъ» Международной общественной организации «Верное Казачество» сотника Олега Шакирова, была отслужена панихида по р. Б. Феодору и всем воинам, за Веру, Царя и Отечество, пострадавшим.

В этом мероприятии приняли участие казаки Харьковского отделения МОО «Верное Казачество» (атаман сотник Юрий Сова), члены Харьковского отдела Союза Русского Народа (руководитель Геннадий Майдук), Харьковского отделения Всеукраинской общественной организации «Православный выбор» (руководитель Александр Сокол) и Харьковского губернского дворянского собрания (предводитель Валерий Чернай).

Кроме того, в этот же день панихиды по Феодору Келлеру служились в Киеве, Харькове, Чугуеве, Москве, Санки-Петербурге, Николаеве, Геническе, Бердянске, Одессе, Полтаве, Хмельницком, Севастополе, Керчи, Донецке, Днепрпетровске, Ильичевске, Макеевке, Краматорске, Лозовой, Красно-

граде, Изюме, Остроге, Ялте, пгт. Октябрьском (Крым), Феодосии, Бахчисарае, Алушке, Чернигове, Нежине, Кривом Роге, Черкассах, Новой Каховке, Свято-Успенской Святогорской лавре, Спасовом скиту под Харьковом и в других городах бывшей Российской империи.

Во время панихиды священником также поминались воины: Александр Винекен, Андрей Шкуро, Владимир Фредерикс, Владимир Воейков, Константин Нилов, Александр Русин, Александр Нечволодов, Михаил Беляев, Владимир Безобразов, Михаил Дитерихс, Георгий Мин, Сергей Романов, Михаил Барклай, Михаил Милорадович, Алексей Ермолов, Владимир Капшель, Димитрий Дохтуров, Дионисий Давыдов, Димитрий Пожарский, Петр Багратион, Михаил Кутузов, Петр Румянцев; Кузьма Минин, Иоанн Сусанин, Евгений Боткин, Петр Столыпин, Иоанн Ильин.

После панихиды, с небольшой биографической справкой и со словами доброй памяти о графе Келлере, перед присутствующими выступил член ХО СРН Михаил Толстоусов и другие, кому дорога память о человеке, отдавшем жизнь за Царя, ставшему образцом служения Отечеству.

Из биографической справки

Для тех, кто знаком с историей Царского отречения, вырванного у Государя Николая II высшими командующими Русской армии в марте 1917 года, имя генерала Келлера останется в памяти как имя единственного военачальника, не поддержавшего февральский переворот и предложившего Царю вверенные войска для подавления мятежа.

«Я христианин, и думаю грешно менять присягу!», – с этими словами он остался предан Государю, несмотря на кажущуюся бессмысленность данного поступка ввиду признанной всеми юридической легитимности акта отречения. Те, кто принял подвиг Келлера за рыцарский жест, не поняли сам смысл его поступка. Последовать в отставку за любимым начальником мог бы и какой-нибудь коммунист советских времен. Но в самый ответственный момент своей жизни Федор Келлер говорит о себе не как о патриоте, офицере, просто честном человеке – он заявляет о себе как о христианине.

Известно, что Келлер, в 1918 году готовившийся возглавить монархическую Северную армию, был благословлен св. Патриархом Тихоном «шейной иконочкой Державной Богоматери и просфорой». Факт этот был обнародован десятилетия спустя Е.Н. Безак, женой Ф.Н. Безака, тогда назначенного Келлером председателем Совета обороны при главнокомандующем. Патриаршие дары

Архиепископ Нестор Камчатский (ранее передавший графу Патриаршее благословение иконой и просфорой), пребывавший в осажденном петлюровцами Киеве, писал о том, как Келлер, приняв решение прорываться из города с группой офицеров, настойчиво просил владыку благословить его на это предприятие, казавшееся тому невыполнимым. Келлер, согласно его дневниковым записям, ждал от иерархов, находившихся с ним в Михайловском монастыре борьбы и жертвенного подвига.

были доставлены в Киев владыкой Нестором Камчатским (вдохновитель одной из попыток спасения Царской Семьи, он был близок к Патриарху и сослужил ему на заупокойной литургии в храме Духовной Семинарии, где впервые поминаясь имена новомучеников и исповедников российских). Необходимо отметить, что привезенные святыни – и шейная (нательная) икона, и просфора, являлись предметами личного использования.

Когда же Келлер получает возможность самостоятельно избрать символику для сформированной его именованной Северной армии, он отдает предпочтение не традиционному для монархистов двуглавному орлу или иным имперским символам, но утверждает в качестве нарукавного знака белый восьмиконечный православный крест. Среди белых военачальников только Келлера и генерала М.К. Дитерихса можно назвать православными монархистами не в политическом, а в религиозном значении этого слова.

В своем обращении к старым соратникам Федор Келлер говорит: «Настала пора, когда я вновь зову вас за собою. Вспомните и прочтите молитву перед боем – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знаменем и с Божией помощью вперед за Веру, за Царя и за неделимую нашу родину Россию».

Будущее возрождение России Келлер связывал со всенародным раскаянием. Сам стиль послания, отправленного им в Ставку, необычен для официальных документов того времени: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя!» Этот слог скорее принадлежит другой эпохе, эпохе древней Руси.

Захоронение Федора Келлера было обнаружено на старом кладбище Покровского женского монастыря. Как известно, после гибели генерала от рук петлюровцев, тело его было выставлено в покойницкой, а откуда увезено близкими и предано земле. Поскольку хоронили Келлера люди не случайные, то и место для погребения выбиралось ими вполне сознательно.

А десять лет спустя в русском журнале «Двуглавый орел», выходящем во Франции, появилось объявление: «В воскресенье, 10/23 декабря в 11 часов утра, в соборной церкви Знамение Божией Матери в Париже, по просьбе монархического объединения, будет совершено заупокойное богослужение по графе Келлере, полковнике Пантелееве и ротмистре Иванове» (это объявление предваряет статью «Герои Долга» Н.Д. Тальберга, вместе с Келлером и Пантелеевым состоявшим в монархической организации «Великая Единая Россия»). Панихиду по убитым воинам заказали те, кто хорошо знал Федора Артуровича в последний период его жизни.

P.S. Прошу Ваших молитв об упокоении приноминаемого генерала Михаила Дроздовского (14 января 2009 года исполняется 90 лет со дня его смерти). По возможности отслужите в этот по этому достойному человеку панихиды или же помяните его келейно. О проведенных поминовениях (в каких городах и когда) прошу сообщить на мое мыло – plastunchkv@mail.ru.

Харьковчан, при их интересе, проинформирую любым удобным для них способом, о времени и месте поминовения воина Михаила в городе Харькове.

Мои телефоны:
8-050-582-31-67, 8-098-210-47-03,
8-093-407-98-22, 8-057-464-00-48.

Андрей Окулов

Келлер

Берлин, Карлсхорст. Когда-то здесь размещался Штаб Группы советских войск в Германии. Теперь остался только музей. По соседству, через пару улиц.

На углу здания, где я работал, красовалась светящаяся надпись: Kreiskulturhaus. Районный дом культуры. Здесь располагалась и музыкальная школа, и камерный театр, и какие-то разнокалиберные выставки и еще что-то. Сам центр располагался в трехэтажном сером здании возле железнодорожного моста, по которому проносились электрички. Невзрачный домик, прижатый к железнодорожным путям. Небольшой дворик, куда заезжали машины всех, кто здесь работал или просто посещал очередное мероприятие. Стены с обвалившейся штукатуркой, какие-то непонятные коммуникации. С другой стороны улицы двор стоявшего на углу дома был понарядней: терраса, мощенная плиткой, несколько ухоженных деревьев. Возле железной дороги этот дворик обрамляли хозяйственные постройки сарайного типа. Аккуратные и чистые, как положено в Германии.

Я часто слышал это слово, когда сотрудники искали музыкальные инструменты для очередного концерта.

– Надо только из келлера достать!

Потом я вспомнил, что это было не в первый раз: если что-то надо достать, значит – «в келлере». По-русски это слово значит «подвал», но «келлер» звучит значительно и загадочнее. Если какую-то вещь не могут найти, значит – «в келлере». Это уже с концами... Где был этот келлер? Сам я там долго не бывал, но согласно направлению, в котором исчезали люди, отправлявшиеся достать что-либо оттуда, он был где-то во дворе.

Сколько было помещений в этом культурном центре? Не считал. Дом снаружи только казался небольшим. Я не один раз путался в бесконечных коридорах, которые разветвлялись по всему зданию. Многие из соседних домов были заброшены, и с годами серьезно обветшали: серые немецкие домики с запыленными окнами, которые вели в пустые заброшенные помещения. В самом келлере, как и положено, был свален всевозможный хлам: музыкальные инструменты, какие-то концертные наряды, самые странные вещи, непонятного и скучного предназначения. Дверей тоже было несколько, большинство – заперто. Судя по внешнему виду, они вели в прочие подсобные помещения, одна мысль о которых вызывала зевоту.

Народ здесь был разный. Певцы, музыканты, просто случайные люди. Все куда-то спешили и за-

нимались какими-то не всегда понятными делами. Здесь проходили курсы немецкого языка, в соседних отделах устраивали выставки. В театре на первом этаже организовывали концерты. Ну, хламу после всего этого действия оставалось немало. Его растаскивали по всевозможным пустым помещениям. Прежде всего – в «келлер». Но одного «келлера» здесь было недостаточно: ненужные сейчас декорации или «остатки» от выставок растаскивали по ближайшим комнатам, которых вокруг «келлера» было немало.

Раймунд работал выше этажом. Это был немец средних лет. Светлые усы, типичный берлинец, у которых есть чувство юмора, столь редкое для остальных немцев. По профессии он был поваром. Во времена ГДР несколько раз ездил в Москву, где научился делать настоящую русскую солянку. Здесь, в центре, он занимался изготовлением всевозможных моделей для выставок. То модель немецкого храма в Питере, то модель лагеря, где сидели русские немцы во время войны. Модели эти потом складывали в том самом «келлере», от которого у Раймунда были ключи.

На углу от дома культуры был небольшой киоск, где продавали жареные сосиски. Иногда я заходил туда в обед. Как-то раз хозяин киоска гордо показал мне объявление в окошке: «Солянка».

– Вот, решил разнообразить меню! Попробуешь?

И угостил меня чем-то. Это «что-то» было похоже на что угодно, только не на солянку. Я вежливо поблагодарил хозяина киоска за заботу, и пообещал привести «специалиста по солянке». Пошел к Раймунду и рассказал про кулинарные изыски нашего соседа. Деловитый повар сразу же собрался на угол. Скоро он вернулся: вид довольный, в руках жареная сосиска с горчицей.

– Я ему полный рецепт написал! Нужна будет помощь – подойду. Пусть только попробует нас после этого солянкой не угостить...

– Ну, посмотрим. А зачем тебе сосиска с собой? На месте съесть не мог?

Раймунд помотал головой.

– Это не мне. Это я для старика фон Шмидтке захватил. Он еще с утра ничего не ел.

Я удивился.

– Старик Шмидтке? Кто это?

Раймунд вздохнул.

– Он здесь «Руководителем подвала» работает. Ты интересуешься историей этого культурного центра? Тогда зайди как-нибудь в келлер. Старик фон Шмидтке много чего о нем знает. Если не все. А ты чем занят?

Я кивнул на монитор компьютера.

* Из сборника «Торф и вереск. Мистические европейские рассказы». © Андрей Окулов.

01/2009

– Дали задание подготовить выставку «Знаменательные эпизоды немецкой истории». От Вестфальского мира до воссоединения Германии.

– Занимательно, должно быть. Желая успеха! Пойду, а то сосиска остынет...

Раймунд поспешил прочь.

На следующий день я зашел в сосисочную будку и поинтересовался насчет солянки. Хозяин будки нахмурился и покачал головой.

– Ваш сотрудник был вчера и принес мне рецепт солянки: там столько разных ингредиентов! Для скромной будки это слишком дорого. Не ресторан, все-таки...

Я хотел посоветовать ему: не обещать того, что не знаешь. Потом решил, что он и без моих советов обойдется. Днем ко мне в отдел зашел Раймунд. Он был не один: из-за его спины робко выглядывал седой старик.

– Позволь тебе представить – господин Отто фон Шмидтке.

Старик вежливо поклонился. Раймунд продолжал:

– Я ему рассказал, что ты делаешь. Он заинтересовался этой работой о значительных эпизодах немецкой истории. Можешь показать?

Я взглянул на старика: удивительно высокий и подтянутый. Как он только ухитрился за Раймундом прятаться? Компьютер был включен. Я довольно быстро нашел нужный файл. Старик склонился над столом.

– Вот, начинается с Вестфальского мира. Фридрих Великий, Наполеоновские войны, объединение Германии, Первая мировая...

Фон Шмидтке одобрительно кивал головой. С началом раздела о Первой мировой, он весь будто напрягся. Я продолжал:

– Отречение кайзера Вильгельма, революция...

Старик резко встал из-за стола.

– Спасибо, довольно! Остальное я видел своими глазами. А отречения не видел никто!

Я удивился. Кожа старика стала бледнее его волос.

– Молодой человек, вы уверены в том, что кайзер отрекся от престола?

Я увидел, как Раймунд за спиной старика делает мне успокаивающие знаки.

– Ну, я сам указ не читал, но во всех источниках значится, что это произошло в 1918 году.

Фон Шмидтке продолжал:

– Вот именно! Никто не видел. Если есть Германия, то должен быть и кайзер. Всего хорошего!

Старик поклонился и стремительно вышел вон. Раймунд развел руками.

– Бедный старик. Сегодня в Германии редко можно встретить убежденного монархиста. Но этот сидит в своей комнатухе в подвале и никого не трогает. Сам хотел посмотреть на эти исторические материалы. Ладно, пойду я...

Раймунд вышел. Я удивлялся еще минут десять, потом занялся своей основной деятельностью,

но скоро Раймунд вернулся. Он был несколько смущен.

– Прости, я тебя недостаточно предупредил о старике. Он странный. Ну, памятуя его возраст, которого он сам не помнит... Как-нибудь, я открою тебе подвал, можешь его посетить. Только прошу тебя: ни слова о кайзере! Это его пунктик. Ладно, я пошел. Завтра, когда он про этот разговор наверняка забудет, можем его навестить.

Я вернулся к своей исторической хронике. Разговор почти забылся. Мало ли странных стариков может обитать в культурном центре?

Один день сменял другой, не неся с собой особенных перемен. Раймунд тоже мастерил свои модели и меня не дергал. Хозяин будки про солянку не вспоминал. Однажды Раймунд снова заглянул ко мне в кабинет. Про старика я вспомнил сразу:

– «Руководитель келлера». Как это понять?

Раймунд улыбнулся и пожал плечами.

– Не знаю. Так во всех документах значится. И зарплату ему платят. Наверное, просто пожалели старика. Хочешь к нему заглянуть? Ключей у меня целая связка.

Я кивнул. Дел почти не было. Дождик на улице был мерзкий, но мелкий. Я выключил компьютер, сказал сотруднице в соседнем кабинете, что мы с Раймундом пошли в келлер, и сбежал вниз по лестнице. Мелкий дождь прекрасно сочетался с серым и скучным двором. Его мы с Раймундом пересекли быстро. Перед деревянными воротами он ненадолго задержался, достал нужный ключ и вставил его в замок. Три ступеньки вниз. Осенние листья уже заполнили выемку между ступеньками и дверью. Было понятно, что сюда редко кто заходит, а то бы давно подмели. Мы с Раймундом прошли внутрь. Он щелкнул выключателем.

– Вот они, катакомбы местные. Вот декорации годов шестидесятых, этот станок еще XIX века, вот номерки времен дома культуры «Дружба», это еще ГДР...

На пыльной полке валялось несколько пластмассовых номерков.

– Можно взять один на память?

– Возьми. Никакого пальто или офицерской шинели ты на него не получишь.

Я положил в карман круглый белый номерок. Раймунд прошел дальше.

– А что за этими дверями?

Раймунд перешел в следующий коридор.

– За одной – очередная кладовка. В остальных – не знаю. Заперто. Ключей у меня нет.

Мы свернули направо.

– Под ноги смотри! Здесь во времена ГДР подпольное казино располагалось. Популярность была огромная... Следила ли за этим казино ШТАЗИ? Наверняка. Им это было удобно. Так, здесь ничего... А вот и деревянные ножки от избушки на курьих ножках. Из вашей, русской сказки. Когда-то детский спектакль играли...

Мимоходом он отбросил «куриную ногу» в сторону. Мы еще раз свернули за угол. Я увидел, что из-под очередной непонятной двери в подвальную темноту вырывается яркая полоска света. Раймунд остановился, повернулся ко мне, прижал палец к губам и прошептал:

– Тихо! Мы пришли. Фон Шмидтке на месте. Я его предупреждал о твоём приходе, но старик мог десять раз забыть. Постой здесь, я предупрежу. А то может снова вспылить. Ему это просто опасно...

Он осторожно подошел к заветной двери и постучал.

– Господин Шмидтке! К вам гость. Можно войти?

Через несколько минут из-за двери раздался слабый голос:

– Милости прошу!

Раймунд махнул рукой и отворил дверь. Свет вырвался изнутри и на минуту ослепил нас. Я осторожно зашел внутрь вслед за Раймундом.

Комнатка была небольшая. В углу лежало несколько стопок газет. Почти посередине стоял письменный стол с лампой посередине. Когда глаза привыкли, я понял, что свет, казавшийся столь ярким в полумраке подвала, на самом деле был довольно приглушенным. На стене висело несколько фотографий, а прямо напротив входа стену украшал огромный писанный маслом портрет усатого мужчины в военной форме. Из-за стола поднялся Отто фон Шмидтке: его седая голова чуть не касалась потолка. По выражению его бледного лица я понял, что он меня узнал.

– Добрый день! В последние годы гости своим вниманием меня беспокоят редко. Но вас, молодой человек, я узнал. Проходите, сейчас стул дам...

Он открыл дверь, вышел в соседнюю комнатку и вернулся с двумя стульями.

– Вот, прошу вас, присаживайтесь...

Мы с Раймундом осторожно присели по другую от старика сторону стола. Я еще раз бросил взгляд на портрет мужчины на стене и узнал его. Ясное дело, чей портрет еще мог повесить на стену старый немецкий монархист!

Отто фон Шмидтке несколько минут внимательно разглядывал меня.

– Итак, молодой человек, вы работаете в культурном центре? Интересуетесь историей этого здания? Так мне Раймунд рассказал.

Я покосился в сторону Раймунда и осторожно кивнул.

– Да, любопытно, что было на этом месте в начале двадцатого века.

Фон Шмидтке откинулся на своем стуле с довольной улыбкой.

– Ну, рассказывать о прошлом для нас стариков самое приятное. Пока не все забыли...

Раймунд ободряюще закивал мне: «старик разговаривался»!

– В начале двадцатого века здесь находилось здание, принадлежавшее знаменитой семье Кениг-

Отель, ресторан с танцплощадкой. Одним словом: ничего общего с тем, что вы здесь видите сегодня. Вы из какого города?

– Санкт-Петербург.

Он уважительно охнул.

– Да, тогда постарайтесь на минуту потосковать по своему городу. И вы поймете мое состояние, молодой человек.

Я осторожно вмешался.

– Простите, я не такой уж молодой...

Фон Шмидтке поднял бровь. Я живо представил, что он где-то обронил монокль.

– По сравнению со мной вы вообще еще не родились!

Он сказал это спокойно, но надменно.

– Так вот, место было знаменитое. И модное. Посла окончания офицерской школы весь наш курс был здесь на прощальном балу. Сразу после присяги. Да, вот, у меня осталась фотография...

Старик выбежал в соседнюю комнатку. Я посмотрел на Раймунда: он одобрительно кивал.

– Старик разошелся. Видно, что внимания ему здесь точно не хватает.

Раймунд вздохнул.

– Кроме меня он почти никого не видит.

Фон Шмидтке выбежал из комнатки с большой фотографией в руках.

– Вот, смотрите. Только осторожно, не один год ведь прошел. Конечно, она на картон наклеена, но он уже тоже не первой молодости...

Он осторожно положил фотографию на стол. Я привстал, и осторожно, двумя пальцами, повернул ее к себе.

Три ряда молодых людей в военной, теперь уже незнакомой форме.

Старик гордо ткнул дрожащим пальцем во вторую фигуру справа.

– Вот, какой я был...

Честно говоря, все они были для меня довольно одинаковы. Юнцы с пробивающимися усами. Чрезвычайно гордые собой. И счастливые предвкушением неизвестного будущего. Фон Шмидтке не стал ждать, пока я найду его на снимке. Он обошел стол и ткнул пальцем.

– Вот он я! Во втором ряду второй справа.

Я увидел под его дрожащим пальцем серую фигуру худощавого юнца.

– Да, времена прошли, но вас еще можно узнать!

Он самодовольно хмыкнул.

– Это весь наш курс сразу после принятия присяги. Прощальный бал устроили здесь. То есть, в том здании, которое здесь раньше стояло. Номер в отеле я получил. Должен был пробыть здесь неделю, пока не решат, на какой фронт меня послать – Западный или Восточный. Да, бал... Юноши в новеньких мундирах и девушки-гимназистки.

Он вздохнул.

– Настоящая идиллия! Здесь я познакомился с Эльзой. Небесное создание! Блондинка в кружев-

01/2009

ном платье. Настоящая немецкая красавица берлинского разлива. У меня даже фотографии ее не осталось. Мы кружились в одном вальсе за другим. Она знала, что мне скоро на фронт. Мы клялись друг другу в вечной любви. Это все происходило так быстро в те жестокие дни... А приказ все не приходил. Потом пришло известие о том, что кайзер был вынужден уехать из страны.

Фон Шмидтке сжал свои дрожащие пальцы.

– Что вы там написали про какое-то «отречение»?!

Мы с Раймундом испуганно замолкли. Но тон старика вдруг стал более примирительным.

– Верно, кайзер был вынужден отречься от престола. Не мне объяснять, какое это было время. Но сын его был законным наследником! И его дети тоже. Король умер – да здравствует король. А это был КАЙЗЕР!

Краешком глаза я заметил, что Раймунд с удивленным восхищением вскинул брови. Старик признал, что кайзер отрекся!

Фон Шмидтке поднялся из-за стола и заблаговременно согнулся, чтобы не удариться головой о низкий потолок.

– Смута. Война, вроде бы, окончена. Но война гражданская – страшнее. А про меня, по-видимому, просто забыли. Присягал я кайзеру, а не тем, кто пришел после. Эльза навещала меня каждый день. Деньги, выделенные мне, уже закончились. Фронтов не было. Ни восточного, ни западного... Хозяин гостиницы сжалился надо мной и устроил на работу. Сначала я был просто портье. Потом начались волнения января 1919 года. «Спартакисты» попытались взять власть.

Он вздохнул, потом губы его сжались.

– И что тогда понесло Эльзу именно на эту проклятую улицу?! Тетю поехала навестить. Она была очень добрая девушка, а тетя уже несколько дней болела. Когда она сидела у тети, началась стрельба. Она думала, что проскочит. Не проскочила....

Он замолчал.

– Шальная пуля. Она попала ей прямо в голову. Смерть была мгновенной. Для родителей она поначалу просто пропала. На следующий день они обегали все морги. Эльза нашлась с третьей попытки. Не знаю, как я пережил все это. Я был на похоронах. Потом мне рассказывали, что я не проронил ни слова. У меня больше не было ни кайзера, которому я присягал, ни девушки, которую я любил, ни фронта, на который меня должны были отправить.

Фон Шмидтке перешел в другой угол комнаты.

– Я воспитан так, что присягу даю только один раз. Если самого кайзера больше нет, то освободить меня от присяги сможет только его законный наследник. А он за мной так и не пришел... Потом к власти пришел этот сумасшедший ефрейтор. Его людишки обрабатывали меня не раз. Но что они ожидали от убежденного монархиста!

Отто фон Шмидтке хмыкнул.

– Потом война. Хозяин отеля относился ко мне очень хорошо. Он помог мне достать вполне легальную справку от психиатра: «человек, который с 1918 года ждет приказа кайзера». Долгое время это спасало. Но в конце войны они забирали в «Фольксштурм» и старых, и малых, и сумасшедших. Английские и американские бомбардировки... В Берлине не было ни одного дома, который не был бы разрушен или поврежден. Потом с земли била советская артиллерия. Все прятались по подвалам и бомбоубежищам. Но я к тому времени уже жил в подвале! Меня пытались затащить в «Фольксштурм». Старушки в пальто с лисьими воротниками с фаустпатронами на плечах. Жуткое зрелище. Мне даже расстрелом угрожали в случае отказа. Но английская бомба, угодившая в местный штаб вермахта, прекратила эти угрозы. В округе все лежало в развалинах. До меня уже никому не было дела....

Видно было, что старик был утомлен своим рассказом. Я хотел что-то спросить, но не решился.

– Да. От Берлина тогда мало что осталось. Старики помнили русских по Первой мировой. Высокие, здоровые. Когда в Берлин вошла Советская армия... Будто серые мыши по улицам с автоматами бегали. За время большевизма рост людей уменьшился. Хроническое недоедание. Но это им не мешало сокрушить Третий рейх. А все потому, что не может ефрейтор заменить кайзера!

Фон Шмидтке ударил кулаком по столу так, что мы с Раймундом вздрогнули. Старик успокаивался несколько минут. Потом взглянул на портрет Вильгельма Второго, висевший на стене, будто в поисках у него поддержки.

– Но после войны легче не стало. Создание странной «ГДР». Раздел страны. Здесь очередной социализм строили. Я вовремя обзавелся справкой, что голова моя была серьезно повреждена во время бомбежки. Это было не сложно: я ведь своих убеждений не скрывал. Для местных властей я был ненормальный. Они строят немецкое социалистическое государство, а какой-то старик приказа от кайзера ждет! Я их не пытался переубедить. История доказала, что было более разумным: ждать приказа кайзера или строить социализм?!

Дом после войны перестроили. Но подвал остался. Мне приходилось каждый вечер встречаться на лестнице с советскими офицерами. Узнав, что я отказался воевать за Третий рейх, они меня даже в антифашисты записали, и были очень любезны. Пока были трезвы.

Фон Шмидтке откинулся назад.

– Вот. Социалисты исчезли, а я все еще жду своего приказа. От законного кайзера. Руководитель подвала. На пенсию так и не вышел. Я вас не утомил?

Лицо фон Шмидтке исказила гримаса, какая бывает во время приступа зубной боли.

– Опять эта упрямая бездарность изображает игру на саксофоне!

Я удивился.

– Господин фон Шмидтке, неужели вы здесь что-то слышите?! Мы же в подвале...

Старик хмыкнул.

– Молодой человек, посидите в подвале с мое, научитесь реагировать на каждый шорох. А уж если кто-то каждый день фальшивит всего тремя этажами выше...

Я понял, что старику пора отдохнуть. Мы с Раймундом синхронно поднялись со своих мест.

– Большое спасибо, господин фон Шмидтке! Вы можете ответить лишь на один вопрос: сколько вам лет?

Фон Шмидтке поднял бровь.

– Это не трудно подсчитать. Вся моя жизнь – история Германии двадцатого века.

Мы с Раймундом уже подходили к дверям. Я обернулся.

– Не многие дожили до ваших лет. Как вам это удалось?

Старик развел руками.

– Я очень устал от всего пережитого. И рад бы уснуть вечным сном и, наконец, отдохнуть. Но приказа кайзера на этот счет тоже не было. И нашему подвалу руководитель нужен....

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Соколов

Зрелищный спорт под сенью серпа и молота

Книга известного американского историка, профессора русской истории и истории спорта Университета Калифорнии в Сан-Диего Роберта Эдельмана посвящена развитию зрелищных видов спорта в Советском Союзе. К ним он относит футбол, канадский хоккей и в меньшей степени баскетбол. Эдельман также касается и других олимпийских видов спорта, чтобы показать различие в политике властей по отношению к зрелищным и чисто олимпийским видам спорта, к которым относится прежде всего легкая атлетика. Эдельман подробно останавливается на дебатах, которые шли в СССР в 20-е годы по поводу того, отдавать ли предпочтение массовой физкультуре или спорту высоких достижений, который в Советском Союзе фактически всегда был профессиональным или, как минимум, полупрофессиональным. В 30-е годы, когда на первый план в спортивной политике вышел спорт высоких достижений, а массы физкультурников нужны были главным образом для парадов на Красной площади, профессиональная сущность спорта высоких достижений даже особо не скрывалась. Об этом стали меньше писать с начала 50-х годов, когда советский спорт вышел из международной изоляции, присоединился к олимпийскому движению и стали участвовать в международных соревнованиях, проводимых любительскими федерациями. На них советские спортсмены официально числились любителями, хотя практически все в стране и мире понимали, что в свободное от занятий спорта время они не стоят у станка и не занимаются боевой и политической подготовкой (многие спортсмены числились военнослужащими). Но Эдельман доказал один непреложный факт. Еще задолго до перестройки и гласности в со-

ветской спортивной прессе довольно откровенно писали, что советскому зрелищному спорту свойственны все атрибуты «буржуазного» профессионального спорта – большие выплаты за спортивные успехи и просто за регулярные занятия спортом, переманивание и даже фактическая продажа перспективных игроков разными клубами, взятки судьям, «договорные матчи» и т. п. Как отмечает историк, «если не брать в расчет очевидное лицемерие советского спортивного руководства, упорно называвшего своих спортсменов «любителями», по крайней мере, один идеал барона де Кубертена, основателя современного олимпийского движения, оно разделяло искренне. Здоровое, активное участие признавалось более предпочтительной формой отношения к спорту, чем пассивное созерцание. Соответственно, пользу зрелищного спорта в СССР государство видело прежде всего, в том, что он вдохновлял людей на занятия спортом. Советские спортивные критики полагали, что пассивное созерцание спортивных представлений, исполняемых, немногочисленными профессионалами развращает и обезчеловечивает, в равной степени, и спортсменов, и публику». Однако основное внимание уделялось все-таки основным олимпийским видам спорта, призванным поддержать международный престиж СССР и достичь важной дидактической цели: улучшить здоровье и трудоспособность советских людей путем демонстрации им преимуществ физических упражнений, одновременно пропагандируя и прививая такие ценности, как честность, послушание, дисциплина, самоотверженность, воспитанность и равенство полов». Но советские люди упорно предпочитали футбол, а после войны – канадский хоккей с шайбой бегу с препятствиями и прыжкам с шестом. Большинству больше нравилось смотреть футбол и болеть за

*Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / Пер. с англ. И. Давидян. М.: АИРО-XXI, 2008.

01/2009

любимую команду, а не сдавать нормы ГТО. Последнее уже в 50-е годы превратилось в сплошную формальность. По-настоящему массовых занятий спортом в советское время так и не удалось добиться. Люди гораздо больше были озабочены добычей хлеба насущного, и у них не оставалось досуга сходить в спортзал на тренировку. А свободное время, которого в 30-е годы было очень мало, предпочитали отдавать футболу. Как доказывает Эдельман, та функция зрелищного спорта, которая играла и играет важную роль как в Европе так и в Америке – канализацию эмоций и агрессивности, которые в противном случае могут найти более разрушительное для общества применение, никогда не являлось осознаваемой целью советского руководства и советской спортивной политики. Народ же использовал зрелищные виды спорта совсем не так, как планировали наверху. Советские люди превратили футбол, хоккей и в меньшей степени – мужской баскетбол не просто в род отдыха, но и в своеобразную отдушину, средство отвлечения от тоталитарной повседневности. Как хорошо показано в книге Эдельмана, многие советские практики, связанные с советским зрелищным спортом, были аналогичны тем, что существовали на Западе. Тут и грубость на трибунах и на поле, и далеко не прозрачные трансферы игроков, и спортивные меценаты, вмешивающиеся в стратегию и тактику игры, по собственной прихоти меняющие игроков и тренеров. В отличие от зрелищных видов спорта в капиталистическом мире, в Советском Союзе коммерческая составляющая никогда не была главной в развитии футбола и других зрелищных видов спорта. Правительство не смотрело на них как на существенный источник дохода, больше внимания уделяя дидактической составляющей, а также вопросам престижа. Поэтому цена билетов часто была почти символической, чтобы сделать спортивные зрелища доступными для всех классов и слоев населения, благосостояние которого в СССР было заметно ниже, чем в западных странах. Положение изменилось только в последние годы перестройки, перед самым крахом СССР, когда игроков стали вполне официально покупать и продавать, в том числе за границу, а у клубов появились настоящие хозяева, кровно заинтересованные в привлечении публики на стадионы и в покупке звезд. Тем не менее, и в советское время вокруг футбола, хоккея, баскетбола, а в какой-то мере – волейбола и других игровых видов спорта крутились значительные по советским меркам деньги, и в результате зрелищные виды спорта играли важную роль в советской теневой экономике. Игроков покупали, переманивая в престижные клубы посредством предоставления хороших квартир, автомобилей, высокой зарплаты и других дефицитных в советских условиях материальных благ. Эдельман в предисловии к русскому изданию книги (американское появилось еще в 1993 году, когда советские архивы только открывались) признает, что при освещении некото-

рых острых сюжетов он излишне доверился мемуарным источникам, тогда как недоступные прежде архивные документы заставили на многое взглянуть иначе: «Последние восемь лет я занимался изучением истории московской футбольной команды «Спартак». Центральное место в моем исследовании отведено основателям команды – четверем братьям Старостиным и особенно старшему, Николаю. Теперь работа завершена, и доступность архивного материала позволила мне получить более детальную картину развития команды и деятельности ее лидеров. Версия истории «Спартака», представленная в «Серьезной забаве», была почти полностью основана на воспоминаниях братьев. Поэтому, возможно, наивно, я представил историю соперничества «Спартака» и «Динамо» в духе классического противоборства героев и злодеев. Арест и ссылка Старостиных по приказу главного патрона «Динамо» Лаврентия Берия казались мне тогда центральным событием в истории «Спартака». Старостины утверждали, что их «преступление» состояло в том, что они лучше играли в футбол, чем «Динамо». Однако, как я выяснил, в действительности все было значительно сложнее. Оказалось, что не все из тех, кто имел отношение к обществу «Динамо», были обязательно «плохими» парнями – как не все «спартаковцы» были «хорошими». Действительно, в 1942 году Старостиных обвинили прежде всего не в политических, а в экономических преступлениях. В ходе судебного заседания было отмечено, что «на протяжении ряда лет подсудимые Старостины, а также Денисов, Ратнер и Сысов, используя свое должностное положение... систематически занимались расхищением спортивных товаров из предприятий системы промкооперации. Похищенные товары в большинстве случаев сбывались через магазин общества «Спартак»... деньги, вырученные от продажи, делили в разных долях между соучастниками хищений». Братьям также инкриминировали, что «руководствуясь корыстными соображениями, Старостин Николай во время Отечественной войны вошел в преступную связь с военным комиссаром Бауманского района Москвы Кутаржевским (осужден) и за взятки, даваемые последнему в виде спиртных напитков и продуктов питания, добивался получения от райвоенкомата отсрочки от мобилизации не только в отношении работников спортивного общества «Спартак», но и лиц, не имевших никакого отношения к этому обществу». Из политики Старостиным инкриминировали «антисоветские разговоры», выразившиеся в «пораженческих настроениях» в первые дни войны (Влизков А. Лагерная планета Александра Старостина // Молодежь Севера, № 45 за 6 ноября 2003 года <http://www.mskomi.ru/arhiv/new078.htm>).

Эдельман подробно описывает в своей книге историю проигрыша футбольной сборной СССР югославам на хельсинкской Олимпиаде 1952 года и последующего расформирования команды ЦДСА.

Хотя в тот момент еще далеко не все документы по этому делу были доступны, он смог рассеять многие связанные с этим мифы, приписывавшие проигрыш и расправу над ЦДСА злой воли Берии, убравшего таким образом сильнейшего соперника московского и тбилисского «Динамо». Эдельман, вслед за известным спортивным журналистом Аркадием Галинским, полагает, что причины проигрыша югославам были, скорее всего, все-таки спортивного, а не политического свойства, и нет прямых доказательств, что ЦДСА расформировали по личному указанию Сталина. Как подчеркивает американский историк, в советском зрелищном спорте, как и в американском, равно как и в зрелищном спорте других стран, мифы и легенды, независимо от степени их достоверности, «являются частью дискурсов как специалистов, так и неспециалистов, и с годами обретают свой собственный реализм. Каждый советский болельщик знает какие-то «тайны», почерпнутые им у «знающих людей», и почти у всех советских журналистов есть в запасе свои истории, которые они «знают», но не могут напечатать. В каком-то смысле эта ситуация не слишком отличается от той, что существует на Западе, где журналисты подчас знают гораздо больше, чем могут доказать и опубликовать. Кроме того, высший уровень советской политики всегда был источником слухов и спекуляций. Вообще, большая часть из того, что в СССР считалось историей так называемой большой политики, была основана на слухах и спекуляциях. В то же время, профессиональный спорт в любой стране всегда был и остается вмес­ти­ли­щем мифов и легенд. Так что сочетание большой политики и большого спорта может рассматриваться как особенно плодородная почва для слухов, баек и домыслов». Исследователь прилагает немалые усилия, чтобы отделить мифы от фактов. Ведь в качестве основных источников ему приходится использовать советскую спортивную прессу, мемуары ряд спортсменов, тренеров и спортивных функционеров, а также личный опыт, полученный во время поездок в СССР и посещения матчей в качестве корреспондента ряда американских газет. Архивы во время работы над книгой были Эдельману не доступны. Тем не менее, основные выводы книги выдержали проверку, временем и ставшими доступными историкам архивными документами.

Эдельман полагает, что «зрелищного спорта в СССР всегда было меньше, чем на Западе – меньше видов, меньше игр, меньше команд, меньше стадионов, меньше газет, меньше телевизионных трансляций и гораздо меньше рекламы. Столь обширную часть культурного пространства, как в западных странах, советский зрелищный спорт не занимал. Огромная разница в количестве оборачивалась разницей в качестве. Метафоры из мира спорта не преобладали в советской культуре. Спортивный лексикон редко использовался в других сферах жизни. За исключением тех, кто был занят спортом профессионально, немногие советские

граждане посвящали все свое свободное время потреблению зрелищного спорта. Не было ни круглосуточных кабельных каналов, ни спутниковых «тарелок», которые обеспечивали бы любителей спорта непрерывным потоком зрелищ. В результате даже самые фанатично преданные спорту граждане были вынуждены находить другие занятия, чтобы заполнять свое время».

В этом советском отставании от Запада не было ничего удивительного. Зрелищный спорт – это, прежде всего коммерческий спорт. В Советском Союзе, как известно, частнопредпринимательская деятельность была запрещена и каралась законом. В скрытой форме, в виде теневой экономики, она, конечно, существовала, в том числе и в зрелищных видах спорта, но достичь американского и западноевропейского размаха она никак не могла. Как хорошо показывает в своей книге Эдельман, зрелищные виды спорта были аналогом потребительского сектора советской экономики, который финансировался по остаточному принципу, тогда как незрелищные олимпийские виды спорта можно уподобить тяжелой и оборонной промышленности, развитию которых отдавался приоритет. Кроме того, у советских людей, вынужденных много и напряженно трудиться, оставалось гораздо меньше времени для досуга, чем у западной публики. Неслучайно относительный расцвет советского зрелищного спорта начался только после смерти Сталина, когда в период хрущевской оттепели и брежневского застоя у народа появилось больше свободного времени. Относительный неуспех советских спортсменов в зрелищных видах спорта на международной арене, особенно в футболе, по сравнению с незрелищными, объясняется тем, что здесь они с самого начала имели дело с профессионалами, в подготовку которых были зачастую вложены значительно большие средства, чем в подготовку советских спортсменов. Напротив, в тех видах спорта, где за рубежом преобладали любители, советские спортсмены, равно как и спортсмены некоторых других коммунистических стран, прежде всего ГДР и Китая, фактически являвшиеся профессионалами, показывали самый высокий класс выступлений. В результате Советский Союз чаще всего занимал первое место в неофициальном командном зачете на летних Олимпийских играх. Эдельман также показывает, что положение в различных видах советского зрелищного спорта определялась действиями разных факторов, порой уникальных. Так, триумфальное шествие советского хоккея с шайбой, в течение десятилетий занимавшего лидирующее положение в мире, объясняется наличием в СССР мощной тренерской школы во главе с Анатолием Тарасовым и Аркадием Чернышевым, концентрацией основных команд в Москве, совпадение расписания советского хоккейного чемпионата с расписанием чемпионатов главных соперников и, не в последнюю очередь, любовью к хоккею со стороны Брежнева. Историк подчеркивает, что советские хоккеисты на равных играли с канадски-

01/2009

ми профессионалами. При этом, как показано в книге, стремление строить хоккейную сборную на основе ЦСКА привело к обескровливанию других клубов, исчезновению острого соперничества на национальном чемпионате и как следствие – к падению посещаемости матчей в 80-е годы: «Противоречия между потребностями национальных команд и нуждами клубов были характерны для «больших» командных видов спорта во всем мире, но нигде, ни в каком спорте, ставка на международный успех не имела столь разрушительных последствий, как в советском хоккее. В погоне за мировой славой хоккейные организаторы добились отчуждения от игры ее базы поддержки. Московская публика предпочла не покупать продукт, предлагаемый ей государством – точно так же, как она отказывалась покупать многие другие потребительские товары, которые были доступны, но не привлекательны. Матчи хоккейного чемпионата стали спортивным эквивалентом тех уродливых, плохого качества ботинок, которые годами пылились на полках советских магазинов».

Эдельман подчеркивает, что, вопреки распространенному на Западе мнению, «даже включая неправительственные источники дохода, общая доля валового национального продукта, израсходованная на спорт и физкультуру в 1988 г., составила, по подсчетам советских экономистов, не более 0,46%. Эта цифра отличается от 2–3% в большинстве западноевропейских стран и не идет ни в какое сравнение с Соединенными Штатами, где спорт, во всех его формах, был в 1988 г. 55-миллиардодолларовым бизнесом. Если СССР, по утверждению его руководства, был величайшей спортивной нацией в мире, то он умудрился достичь этого статуса с минимальными затратами своих скудных ресурсов». Разница в затратах образовалась за счет того, что гонорары советских «звезд» зрелищных видов спорта были на порядок ниже, чем гонорары американских и западноевропейских профессионалов. То же самое касается и соотношения вложений в строительство спортивных арен для зрелищных видов спорта, количество и вместимость которых в СССР и США были несопоставимы. А вот по вложениям в подготовку чемпионов, в том числе и с закупкой дорогостоящего импортного оборудования, советские затраты, хотя и составлявшие лишь небольшую часть всех спортивных расходов, советские затраты оказались вполне сравнимы с европейскими и западноевропейскими, что и принесло советским спортсменам ведущие мировые позиции, в том числе в таких зрелищных видах спорта как хоккей с шайбой и мужской баскетбол. Как раз в 1988 году советские руководители, по словам Эдельмана, «поняли, что пришло время сбросить маски и избавиться от лицемерия официального любительства». Это было вызвано тем, что в мире давно уже поняли, что «все эти «военнослужащие» и «студенты», производящие столько рекордов, были заняты чем-то более серьезным и требующих ку-

да больших затрат времени, чем просто хобби». Это привело к тому, что под давлением национальных федераций в олимпийские виды спорта были допущены профессионалы, и в фиговом листке любительства больше не было никакой необходимости.

Эдельман делает обоснованный вывод о том, что «низменные удовольствия и веселье ради самого веселья никогда не находило себе места в системе воззрений, ставившей производство в центр жизненных забот человечества. Непреходящее стремление партии подчинить и поставить себе на службу различные формы массовой (в отличие от популярной) культуры встречало огромные препятствия. Даже на Западе популярная культура во всех формах могла способствовать отуплению и моральной деградации людей, но она никогда не была мощным средством контроля над умами, как утверждали ее критики. В большинстве случаев популярная (в отличие от массовой) культура порождала скорее анархию и беспорядки, нежели подчинение и согласие». Этот обстоятельство хорошо понимали советские вожди. Поэтому, например, популярная музыка неизменно преследовалась в советское время. Напротив, зрелищные виды спорта встречали в целом положительное отношение властей, хотя той же легкой атлетике и уделялось больше внимания. Как подчеркивает Эдельман, «на протяжении многих лет советской истории зрелищный спорт был для людей отдушиной, напоминал им об их человеческой природе и укреплял в них здоровую и искреннюю веру в утопию, которую остальная жизнь часто развенчивала. В свои лучшие моменты – когда он не был местом разгула навязчивой рекламы, стяжательства, эгоизма, джингоизма и насилия – зрелищный спорт на Западе играл во многом такую же роль. Вот почему это забава, но забава весьма серьезного толка». Можно предположить, что в значительной мере советское руководство понимало роль зрелищного фронта как отдушины, спускающей пар социального недовольства. Что же касается бесчинств советских фанатов, в полной мере проявившихся только в перестройку, то их масштаб не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось и творится на британских, итальянских или латиноамериканских стадионах.

Один из немногих недостатков книги Эдельмана, на наш взгляд, заключается в отсутствии в ней главы, посвященной отражению зрелищных видов в советской культуре, прежде всего – в литературе и кинематографе. Американский историк упоминает, что о спорте писали Ильф и Петров, Лев Кассиль, Юрий Трифонов и другие и другие известные советские писатели. Он даже цитирует их статьи и очерки из спортивной прессы. Но было бы интересно проанализировать их собственно художественные произведения. Тот же Трифонов, например, заядлый футбольный и хоккейный болельщик, оставил много спортивных рассказов и написал сценарий популярного в свое время фильма «Хоккеисты». Надеюсь, что эта интересная тема еще станет предметом специального исследования.

Александр Гогун

Йорг Баберовски: Красный террор. История сталинизма

*Размышляя о причале, по волнам плывет «Аврора»,
чтобы выпалить в начале непрерывного террора.
Ой ты, участь корабля:
скажешь «пли!» – ответят «бля!»*

Иосиф Бродский, 1986 г.

Рбота заведующего кафедрой истории Восточной Европы берлинского университета им. Гумбольдта профессора Йорга Баберовски «Красный террор. История сталинизма» вышла одновременно в Москве (на русском) и Киеве (на украинском). Книга была впервые опубликована в 2003 году в Германии и получила неожиданный успех, в том числе коммерческий. После этого монографию издали на чешском языке. В настоящий момент работа переводится на английский и польский языки. Хотя бы тот интерес, который вызывает исследование по обе стороны бывшего железного занавеса, диктует необходимость рассказать об этой книге заинтересованному читателю.

Работа, которая базируется в основном на исследованиях коллег, и отчасти – на документах из РГА-СПИ, разделена на пять разделов: путь к сталинизму (1850–1922 гг.), затишье перед бурей (1922–1928), культурная революция (1920-е – 1930-х гг.), террор (1930-е гг.), война и послевоенный период.

Во введении к работе утверждается, что «Сталинизм был цивилизацией ненависти и вражды», и далее предпринимаются попытки понять, объяснить и описать сталинщину.

В первой главе первого раздела («Исторический контекст») Йорг Баберовски описывает, образно выражаясь, сны Российской империи, которые породили всем известных чудовищ. Вторая и третья главы посвящены революции и гражданской войне. По мнению исследователя, по беспощадности к группам людей, обладавших формальными признаками, большевики стали новаторами: «Враг не знал, что он – враг, враг существовал лишь в головах коммунистов». Ещё в годы гражданской войны чекист Лацис «провозгласил символ веры сталинизма: заданием революции является уничтожение коллективного врага как бурьяна и освобождение таким образом общественного организма от заразы. Русская революция стала родами тоталитарной эпохи, она была первородным грехом, который дал жизнь современным [тоталитарным] диктатурам

и идеологиям. Она связала счастье одних людей с физическим уничтожением других. Именно большевики ввели организованное на государственном уровне уничтожение заклеимённых коллективов...»

Годы НЭПа в работе рассматриваются не столько как этап поисков дальнейших путей развития страны (теория об упущенных перспективах однопартийного режима с рыночной экономикой сейчас довольно популярна в российской историографии), а как «инкубационный период сталинизма». По утверждению Йорга Баберовски, НЭПом было недовольно крестьянство, в частности, из-за слишком высоких цен на промтовары и высокого продналога. Не были рады рабочие, увидевшие возвращение «буржуазных спецов» и «белоручек», а также вновь столкнувшиеся с безработицей и ощутившие своё незавидное положение по сравнению с более состоятельными социальными слоями. Новую экономическую политику ненавидели молодые и не только

*Баберовски, Й. Красный террор. История сталинизма /Пер. с нем. – М.: «РОССПЭН», 2007.

молодые коммунисты, остро переживавшие по поводу своей бедности рядом с презренными предпринимателями – «жирными НЭПманами» («За что боролись?»). Наконец, НЭП был в целом и неприятен и нарождающейся номенклатуре (политбюрократии), по целому ряду причин: он порождал упомянутое недовольство, а также создавал прослойку зажиточных и самостоятельных, а, следовательно, сложноконтролируемых людей. Таким образом, изменений ожидали все: и Сталин во-многом воспользовался общим недовольством населения для того, чтобы начать строить уже лично ему удобную модель. Строить через террор.

Самая крупная террористическая акция сталинизма – истребление голодом миллионов крестьян в 1932–1933 гг. проводилась с ведома Политбюро, куда приходили сведения даже о людоедстве. Характерно, что когда Молотову пришло подобное сообщение, где также указывалось, что голодают и рабочие в городах Умань и Житомир, он признал важным обсуждение именно голода пролетариев, подчеркнув эти предложения в тексте, и отправив документ в архив. Сам Сталин получил записку о кошмаре, который творился в Казахстане – на соответствующем документе стоят его пометки. Однако, ничего для остановки этой вакханалии террора сделано не было. Доля крестьян и кочевников, у которых отняли всё продовольствие, Сталину соотарищи была как минимум безразлична (с. 102–103).

Террор не прекращался ни на день: и во время краткой «передышки» 1934–1936 гг. были репрессированы многие десятки тысяч людей из самых разных социальных слоёв. Даже стахановщину Йорг Баберовски рассматривает не только как способ эксплуатации рабочих, но и как инструмент нагнетания социального напряжения между пролетариями, инженерами и руководством предприятий – напряжения, разрешавшегося зачастую террористическими методами.

А 1937–1938 гг. стали кровавой оргией, которая проводилась по конкретным указаниям Политбюро, доходивших до планирования и разрядок. Помимо этого, Сталин самолично смотрел списки десятков тысяч людей, и своей подписью отправлял их на смерть, в том числе даже ближайших коллег по партии, бывших приятелей и сообщников. Не спасали и покаяния, как, например, Николая Бухарина, который умолял его не убивать, а посадить в лагерь, в случае пощады обещая открыть в ГУЛАГе театр и картинную галерею (с. 127).

Та модель общества, которую выстроил «Вождь» с помощью убийства миллионов людей, не отличалась прогрессивностью: «Сталинский Советский Союз был феодальным государством личных связей, которым правила господствующая клика и её окружение. Провинциальные лидеры были сталинскими вассалами, и если они целиком покорялись вождю, значит им позволялось держать собственную феодальную сеть» (с. 133).

Автор отмечает, что и всемирно известный советский интернационализм был всего лишь сталинской фикцией, фантомом* (с. 163). Если даже не брать во внимание советского ура-патриотизма, доходившего до шовинистического угара (вспомним стихи Михаила Кульчицкого: «Только советская нация будет, только советская нация – люди»), то уже репрессии, проводившиеся не только по национальному принципу, но и по признаку этнического происхождения, свидетельствовали об определённом практическом советском расизме. Об этом же говорило и введение в паспорте графы «национальность» с её автоматической передачей по наследству. Как вспоминала приехавшая в СССР в 1930-е годы американка Мэри Ледер, москвичи бесцеремонно и с предубеждением относились к этническому происхождению своих соседей и коллег: «Ты знаешь армянина, который живёт на втором этаже?», «Татарина из литейного цеха?», «Ассирийца, который чистит обувь?», «Грузина-учителя?», и т.п. Она не встретила ни одного русского, который бы не считал, что еврей – это национальность, а США – конгломерат наций» (с. 163). Даже сейчас на всём постсоветском пространстве в населении господствуют эти вбитые сталинщиной латентные расистские предрассудки, когда под национальностью человека подразумевают не родной язык, а «определяют» её по фамилии, цвету глаз и волос, форме носа, а то и вообще по религии родителей.

По мнению Йорга Баберовски, война принципиально не изменила систему сталинизма, она показала её с ранее неизвестной стороны. В дополнение к непрекращающемуся террору в тылу, добавилась война по-сталински: «Солдаты были пушечным мясом, расходным материалом, с ними коммунистические руководители обращались как со скотом. Офицеры посылали своих бойцов под пулемётный огонь врага, отдавали им абсурдные приказы о наступлении, во время которого солдаты гибли, как мухи» (с. 190).

Советские народы-победители, увидевшие нормальную жизнь в захваченных странах, хотели прекращения страданий у себя на родине. По свидетельству Андрея Сахарова, в 1945 году люди наделись, «что после войны всё будет хорошо, по-человечески, так как не может быть иначе». Но вскоре, по воспоминаниям академика, «...иллюзия рассыпалась, а народ стал распадаться на атомы, таять» (с. 200). Сталинщина закончилась лишь со смертью «Вождя». Физик Юрий Орлов утверждал, что «тот, кого не укутывал этот сюрреалистиче-

* См. работу Николая Бердяева «Новое средневековье» (1923). В данном эссе он ошибочно воспринял события 1917 г. как начало неминуемого глобального конца буржуазного общества, однако публицист интуитивно определил сущность коммунистической революции как прыжка в отдалённое прошлое: «Новым средневековьем я называло ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму (sic! – А.Г.) средневекового типа».

Далее в сносках цитируется это сочинение философа.

ский каток, никогда по-настоящему не поймёт, каким огромным освобождением было для людей хрущёвское возвращение к элементарной законности, ко всё ещё тоталитарному обществу, но которое уже не копалось в крови и блевотине» (с. 214).

Отметив высокий уровень работы, имеет смысл остановиться и на спорных деталях.

Причинами Великих Реформ второй половины XIX века Йорг Баберовски считает волю образованных бюрократов, которыми овладели западноевропейские идеи. По словам автора, «Эти реформы не вытекали ни из потребностей, ни из традиций подданных. ...Принимая во внимание бессловестность и бессилие того, что называется обществом, иначе и быть не могло» (с. 16). Что касается традиций как причин преобразований, то любое революционное изменение не может быть следствием широкой и осознанной традиции: на то новации и являются новациями, чтобы изменять или вообще отменять традиции. С утверждением же, что реформы не вытекали из потребностей общества можно и не согласиться: офицерский корпус, да и не только он, обращал внимание на необходимость создания боеспособной армии, оснащённой современным вооружением. Может быть, точнее было бы говорить не о бессловестности, а о слабости общества. Антикрепостнические течения и настроения были заслонены от всего мира фасадом самодержавия, но исподволь угрожали прочности этого фасада. Речь идёт не только о радикалах, но и, например, о славянофилах (т.е. либеральных монархистах), которых абсолютизм активно преследовал. Выступления крестьян, да и фраза Александра-Освободителя, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнёт отменяться снизу» говорят об определённой активности части населения.

Ряд оценок автора, возможно, слишком эмоционален. В частности, в описании правового сознания крестьянства Российской империи присутствует такое утверждение: «Свобода (воля) означала возможность напиваться до бесчувствия, убивать дворян и чиновников, захватывать чужую землю и считать её своей» (с. 19). Несомненно, присутствовали и такие настроения, но были ли они главными в стремлениях крестьян к освобождению от феодальных или бюрократических пут? По словам Йорга Баберовски, на рубеже XIX и XX веков отношения властей и большинства населения были «культурным непониманием, диалогом между глухими» (с. 19). Существовал ли когда-либо где-либо рабочий коллектив, где коммуникация строилась по такому принципу? Хотя, в целом с автором сложно не согласиться: стабильное, поступательно развивающееся и – самое главное – привыкшее к свободе общество не может в один момент сломаться и превратиться в непойми что лишь волей горстки презирающих народ иступлённых отщепенцев, пусть и использовавших солидный зарубежный грант на развитие экстремизма.

Автор указывает на движущую силу революции – не потомственных пролетариев, а рабочих лишь по роду занятий, то есть, по-сути, маргинализованных крестьян: «Село не растворилось в городе, оно завоевало и покорило город, навсегда сменив его лицо. ...Забастовки были жестокими взрывами, направленными на установление справедливости в том виде, как её понимали выходцы из села, а именно – свободы от какого-то порядка, который не был основан на культуре села, культуре, которая оспаривала буржуазное (бюргерское) общество» (с. 20). Может быть, здесь стоит говорить не столько о «культуре села», сколько о властных и экономических механизмах, в которых был глубоко инкорпорирован крестьянин до своего пришествия на фабрику. Иными словами, вчерашние крепостные принесли с собой в город антилиберальный потенциал, выразившийся в их фамильной, а то и личной памяти о помещичьем господстве и общинном хозяйствовании, то есть подсознательное стремление воссоздать в каком-либо виде феодальные порядки*. Регионы, в том числе их сельское население, не знавшие крепостного права или, что, может быть, ещё более важно – общинного землевладения в XIX веке, в 1918–1920 гг. выступали против большевиков, а в 1929–1931 гг. – и против проводимой ими коллективизации.

Создаётся впечатление, что в работе иногда смешиваются такие понятия, как уровень (ступень) развития общества**, и его культурно-региональные особенности, т.е. буржуазную демократию с европеизмом: «Революция взорвалась как восстание фрустрированных и разозлённых людей, как погром, который буквально выгнал из страны дух европейской цивилизации. ...Исчезли все буржуазные институты: местное самоуправление, независимая юстиция и университеты как биотопы европейской научной традиции» (с. 25). И представители Временного правительства, и большевики были приверженцами европейских идей: социализма, в том числе радикального марксизма. Руководители левых партий знали европейские языки, Временное правительство склонялось более к англо- и франкофилии, большевики же были убеждёнными германофилами. Неслучайно основным иностранным языком, преподававшимся в средних шко-

* Бердяев отмечал, что большевистская «революция» «...в глубине своей совершенно “реакционная” и есть лишь гниение разложившихся элементов старого мира».

** Любопытно указание на архаичность социальных структур России как причину революции: «...О русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма. (...) Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии».

01/2009

лах СССР, стал немецкий. Да и сам Йорг Баберовски говорит об одной из составляющих интеллектуального базиса ленинцев: «Российские коммунисты были способными учениками эпохи Разума и Просвещения. То, что не завершила природа, должны были сделать людские руки» (с. 11–12). Добавим к этому, что культурную европеизацию страны коммунисты продолжали и после Ленина – вплоть до 1991 года, проводя её параллельно с уничтожением рынка и остатков общественных институтов буржуазного общества. В определённой степени их можно считать продолжателями европейской антикапиталистической традиции, идущей ещё от Платона, Томаса Мора и Томазо Компанелло. Европа в XX веке пережила ещё две антибуржуазные контр-революции*, помимо русской: итальянскую** и немецкую.

Не совсем верным представляется утверждение, что большевики ничего не выиграли от «антикулацкого» террора 1918–1920 гг., т.к. крестьяне в массе своей восставали на севере, юге и востоке страны в 1918–1919 гг., а в 1920–1921 гг. даже и в центральной России. Возможно, что превентивное истребление слоя людей, выигравших от экономической свободы, то есть умевших ей пользоваться, и, следовательно, дороживших ею, заложило долгосрочную основу для создания деспотии и облегчило полное порабощение общества попозже – в 1928–1938 гг.

Автор описывает ленинско-сталинскую культурную революцию как попытку большевиков создать нового человека, можно даже сказать – сверхчеловека, как его понимали коммунисты: средоточие воли, разнообразных талантов, идейности, инициативности и моральных достоинств, физически привлекательного. Утверждается, что сталинизм «...был попыткой привести в мир нового человека и удалить из него старого человека. В российских условиях эта попытка привела к массовому террору» (с. 214). Однако, какими новыми людьми хотели видеть коммунисты своих подданных на самом деле? Например, громогласно провозглашая борьбу с пьянством, партия ради получения сверхприбылей в 1920–1930-х гг. усиленно продавала крепкие алкогольные напитки населению. На практике в «новом» человеке сталинской эпохи культивировались послушание, безынициативность, исполнительность, угодливость, холуйство и свирепость, а внешний вид подавляющего большинства населения СССР в конце 1930-х, начале 1940-х мог вызвать (и вызывал в моменты редких контактов) у западноевропейцев или американцев скорее жалость, нежели восхищение. В связи с этим, может

быть, в книге недостаточно чётко показан зазор (а, скорее, пропасть) между тем, что сталинцы хотели сказать подданным и миру о культурной революции и эволюции советского человека, и тем, над чем на самом аппарате сознательно и упорно трудились: загнать население страны в фактическое и ментальное крепостное состояние, приковав личность цепями нового рабства к военно-индустриальной державе.

Периодически в исследовании встречается мысль, что постоянный хаос, перманентное состояние кризиса и чрезвычайного положения, в которое вверг страну Сталин своими экспериментами, были невыгодны для режима. Между тем, если таковые условия были созданы волей этого человека, то, может быть, образно говоря, как раз это и была та среда, та мутная (точнее, замутнённая) вода в которой «Вождь» хотел ловить свою рыбку? «Подвешенное» состояние всех членов общества, с одной стороны, можно было использовать для мобилизации усилий этого общества, что Сталин и делал, с другой, не позволяло людям, сорганизовавшись, проявить нелояльность Системе и её лидеру.

Название книги, возможно, несколько узкое. В предисловии автор повторяет мысль: «Сталинизм и террор – синонимы» (с. 7). Однако, красный милитаризм, резкое обнищание большинства населения и деградация бытовой культуры, безжалостная экономическая эксплуатация народа, которую автор осторожно называет «формой внутреннего колониализма» (с. 107), создание госмонополии на средства производства – всё это тоже очень важные аспекты сталинской общественно-экономической практики: и в работе всё они так или иначе описываются. Вероятно, имелось в виду, что террор – самая важная составляющая сталинщины.

Несколько слов можно сказать и о языке книги. Стиль высокий, кое-где доходящий до патетики. Например, величественно звучит слово «варварство»* в виде прилагательного и существительного употребляемое едва ли не через страницу. Понятно, что ментальные корни сталинизма – не в рафинированности поэтических салонов, да и сама сталинщина – явление малопривлекательное, но речь в книге всё же идёт о конце второго тысячелетия, а не о второй половине первого тысячелетия новой эры. Требуется также большая эрудиция и солидный гуманитарный, в том числе философский базис, чтобы освоить всю терминологию, использованную в рецензируемом исследовании. Вероятно, автор этих строк недостаточно образован и начитан, поскольку не может понять фразу, объясняющую бессилие и разобщённость людей в тоталитарном обществе: «Следом за Фуко, также можно говорить о человеке как о тумблере большевистского дискурса, а о власти – как о действии» (с. 114).

* Ср.: «Революционность» и «реакционность» так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало нового средневековья».

** «И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм».

* Любопытно, что и Николай Бердяев не избежал этой терминологии: «Начало новой эпохи сопровождается варваризацией».

Стилистические возражения вызывает и раздел о войне. Например, утверждение, что «Вермахт нарушил все действующие конвенции, Красная армия отплачивала (sic! – А.Г.) той же монетой» (с. 181). Массовые нарушения советскими солдатами международных юридических норм ведения войны, в частности, расстрелы немецких и не только немецких военнопленных, начались уже 22 июня 1941 г., поэтому действия солдат Вермахта тут вряд ли сыграли роль.

На с. 181–182 утверждается: «В Одессе, в Литве и Латвии местное население с прилежным послушанием принимало участие в убийстве коммунистов и евреев, ибо оно предвидело, что национал-социалисты не только будут терпеть такие действия, но и ожидают их». Возможно, следовало было бы дать более терминологически дифференцированную картину, не смешивая такие понятия как «местное население» и «представители местного населения», или, например, «часть населения».

Поражение Вермахта под Москвой Йорг Баберовски трактует как поражение Германии в войне: «Конец блицкрига зимой 1941 года означал конец завоеваний национал-социалистов. Никто не знал этого лучше, чем Гитлер, который верил теперь лишь в то, что нехватка технического и экономического превосходства в сравнении с антигитлеровской коалицией будет компенсирована железной волей его солдат» (с. 180). Однако, то, что Советский Союз мог быть и позднее сокрушён даже только военными методами (не говоря уже о политических), открыто признавал сам Сталин – например, в знаменитом приказе № 227 от 28 июля 1942 г.: «У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя...».

Встречаются в работе и мелкие фактические ошибки.

Явно устаревшим выглядит утверждение о техническом превосходстве «немецкой военной машины» над Красной армией в 1941 г. (с. 180). Исследования 1990–2000 гг., проведённые на основании открывшихся российских архивов, дают другую картину: шестикратное количественное и абсолютное качественное превосходство РККА в бронетанковой технике; технологический и количественный паритет по новейшим образцам военных самолётов, дополняемый многократным количественным превосходством советской стороны по устаревшим авиационным моделям; технологический паритет в артиллерии, опять же, дополняющийся значительным превосходством Красной по числу стволов основных калибров. Разве что в отношении обеспечения стрелковым оружием Вермахт находился с Красной армией, так сказать, «на равных». Тем большее значение приобретают упомянутые Баберовским «морально-политические» причины поражений сталинской бронированной армады, нанесённых сравнительно небольшим, но неплохо организованным Вермахтом.

На с. 187 утверждается, «В 1942–43 гг. прежде всего в Белоруссии шла жестокая война частей Вермахта и СС с русскими (вероятно, имеются в виду советские партизаны, бывшие в большинстве своём белорусами. – А.Г.), еврейскими (вероятно, имеются в виду в целом просоветские еврейские отряды, в том числе группы выживания. – А.Г.), литовскими и польскими (вероятно, имеются в виду националистическая Армия Крайова (АК). – А.Г.) партизанскими группами». Литовские антикоммунисты создали свои партизанские формирования лишь в 1944 году, а в 1942–1943 гг. в советские партизанские отряды и формирования АК литовское население не вступало.

Но в целом читать рецензируемую работу очень интересно, в том числе потому что книга полемично-остра. Ценность издания заключается также и в том, что оно показывает палитру дискуссий о сталинизме, которые идут в западной науке уже полвека. К сожалению, до восточноевропейского читателя, даже заинтересованного, по ряду причин – в том числе наличия языкового барьера, общей нищеты гуманитарной сферы, разнообразному наследию «железного занавеса» – до настоящего момента доносятся лишь отголоски этих споров.

Следует также сказать, что на настоящий момент Йорг Баберовски пришёл к ряду выводов, которые опровергают ряд тезисов его же работы «Красный террор». В этой книге 1953-й год автор обозначает как «конец войны, которую большевики с 1920-х гг. вели против собственного населения» (с. 7). Но истребление целых социальных групп, изгнание из страны элиты происходило и в 1918–1922 гг., и автор сам указывает на это: «В гражданской войне сталинизм проявил себя ещё до сталинизма» (с. 31). Сейчас Йорг Баберовски полагает, что между ленинскими и сталинскими методами принципиальной разницы не было.

Определённое противоречие есть и в описании внутренних мотиваций «кремлёвского горца» и его близких, в том числе причин террора. С одной стороны утверждается следующее: «В документах Сталин предстаёт как жестокий, безжалостный диктатор с манией преследования...» (с. 11). Тот же тезис повторяется в книге позже: «...гротескная шпиономания и мания преследования, ...в 1930-х годах охватила Сталина и его приспешников» (с. 77). Мысль о своеобразной паранойе, «одержимости» «Кобы» дополняется утверждением о его идейности: «Сталин не был властным циником. Он верил в то, что говорил» (с. 11, с. 119). С другой стороны, в этой же работе предстаёт совсем другая картина. В частности, утверждается, что «Сталин ни в коем случае не был сумасшедшим и не страдал депрессиями и галлюцинациями» (с. 170). Да и группировки в его аппарате власти выглядят как сообщества весьма суровых и не склонных к каким-либо иллюзиям прагматиков: «Честь, верность и предательство были понятиями (sic! – А.Г.), на которые ориентировались эти

01/2009

мужские союзы. ...Сталинская модель правления была мафией» (с. 13). Сейчас Йорг Баберовски полностью отбросил тезис об идейности и помешанности Джугашвили, и всё более склоняется к выводу о том, что выстроенная им система власти представляла собой нечто вроде своеобразного паханата: сталинское политбюро было абсолютно циничной бригадой (там же). Возможно, историкам ещё предстоит попытаться осознать ту глубину двуличия и лицемерия, которая была присуща этой по-своему уникальной ОПГ. Не веря ни в каких заговорщиков и шпионов, даже со своими «друзьями-коллегами» «Вождь» говорил о десятках тысяч «агентов империализма», намечая будущих жертв масштабного кровопускания. Понимая, что в настоящий момент никто на СССР нападать

не собирается, с членами политбюро он совещался о «буржуазной угрозе», планируя эту «угрозу» в ближайшем будущем радикально устранить. Новый смысл в связи с этим обретают неудачи разведок западноевропейских стран по добычи какой-то достоверной информации о верхушке СССР: вероятно, успехов не было не только из-за немислимой секретности, но и из-за тотальной, всепронизывающей лжи. Хочется пожелать автору дальнейших успехов в описании этой поистине фантазмагорической картины межлюдских отношений на самой верхушке пирамиды страха и ненависти: новые выводы на основе аутентичного документального материала уже сделаны, а следующая книга будет весьма востребована исторической общественностью.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Красный террор на Урале

Здравствуйте.

Обращаются к Вам члены комиссии по канонизации святых Екатеринбургской епархии.

В настоящее время наша комиссия занимается сбором материалов о красном терроре на территории Екатеринбургской епархии в 1918 году, преимущественно нас интересуют, конечно, сведения о репрессиях в отношении священно- и церковнослужителей РПЦ. Как известно, после освобождения Уральского региона армией Колчака во многих местах были организованы Следственные комиссии, которые занимались изучением злодеяний, совершенных большевиками. Не могли бы Вы подсказать, где именно могут находиться документы этих комиссий в настоящее время? Было ли что-либо из этих материалов опубликовано? Недавно мы ознакомились с книгой

С.С. Балмасова «Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг.», однако в ней очень мало документов по Екатеринбургской епархии (с 1918 г. ее территория стала относиться к самостоятельной Екатеринбургской губернии, а не к Пермской).

Могут ли какие-либо из интересующих нас материалов находиться еще в ГАРФе или фонды его уже достаточно изучены и материалов о красном терроре в Екатеринбургской губ. в них почти нет? Если нет, то в каких зарубежных архивах могут они иметь место?

Заранее искренно благодарим Вас за помощь.

С уважением,

зампредседателя комиссии по канонизации святых Екатеринбургской епархии монахиня Евстафия (8-950-194-32-94).

Моё открытое письмо всем членам Народно-Трудового Союза

О ЦЕЛИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Я с рождения не мог найти ответ на вопрос: «Какую цель ставили перед собою большевики 25 октября 1917 года? В чём состояла их непростая политика? Только в улучшения материальных благ крестьян и рабочих или же в нечто иное, понятным только самой мировой элите (большевистскому правительству и всем сочувствующим им правительствам)?».

Моя собственная жизнь, жизнь моих близких людей, чтение необходимой литературы дали ответы мне на эти вопросы.

С самого начала своего существования Российская Социал-демократическая Рабочая Партия сто-

яла за атеизм (отсутствие всякой веры) и нигилизм (отрицание всего, кроме работы).

Как писал сам лидер РСДРП Ленин «крестьянин должен молиться электричеству» (цитата не дословная). И вот как раз по этому признаку строилась вся большевистская внутренняя (и даже внешняя) политика.

Судить о том, насколько оказалась она успешной, можно прочитав книгу «Как закалялась сталь» и пообщавшись с моим дедушкой – ярким поклонником Павла Корчагина и его принципов или со многими из людей дедушкиного возраста.

Результаты окажутся впечатляющими – большинство из таких людей будут хвалить советское правительство и негативно отзываться о таких ценностях, как искренняя любовь, дружба, самопожертвование. И эти люди – большая часть населения России. Когда я узнал о программе НТС по разоблачению коммунизма, то сразу подумал:

– Как тяжело будет вам это сделать! Мой дедушка и его сверстники будут до смерти ругать вас последними словами!

Но всё же я нашёл в себе силы решиться поддерживать вашу политику и пробовать помочь вам в вашем деле.

Для этого я подумал:

– Как можно будет рассказать молодому поколению о преступлениях коммунизма, если они по советам своих бабушек и дедушек, будут продолжать читать Николая Островского, Аркадия Гайдара, Анатолия Рыбакова и прочих советских «классических» авторов и будут пытаться брать примеры с советских «идеальных» литературных героев, примеры которых так заразительны, что после повторения одного поступка хочется повторить второй и так далее?..

После малоудачных попыток узнать ответ от некоторых священников современной русской Православной Церкви я пришёл к выводу, что Народно-Трудовому Союзу стоит трудиться для того, чтобы дети, читая Островского (или Гайдара) понимали тот «яд», что влит большевистской

пропагандой в каждое слово такого произведения.

И поэтому я очень хочу попросить всех членов Народно-Трудового Союза писать и издавать в России детские книги, в которых будут обличены коммунистические преступления, и в которых дети получат истинное представление о дореволюционной Православной России.

Это открытое письмо Народно-Трудовому Союзу я хочу закончить небольшим упоминанием о том, какие современные социально-культурные явления могут оказать на наших детей опасное для нас и для них влияние*.

Напоминаю Народно-Трудовому Союзу о том, что в России до Революции празднование Нового года не стояло на первом месте. А к представлениям с «дедами морозами» никто не относился тогда с таким массовым одобрением как сейчас. Любовь детей к «Деду Морозу» и «Снегурочке» – одно из страшных орудий большевиков и других разрушителей Православной России.

Также напоминаю НТС о том, что массовая любовь к спорту – один из признаков проникновения антиправославных сил в мировое общество. А наша цель состоит в том, чтобы спасти Россию от любого антиправославного влияния мира.

На этих словах я заканчиваю своё открытое письмо всем членам Народно-Трудового Союза.

Дмитрий Андрейчиков
25.12.2008 г.

Реабилитация сталинизма вместо реабилитации репрессированных

Прошло 34 года как советские политзаключенные решили ежегодно, 30 октября отмечать голодовкой и зажженными свечами память о своих товарищах – жертвах тоталитарного режима. В те годы каждая такая акция была актом исключительного гражданского мужества и вызовом палачам.

18 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий». Тогда этот указ и федеральные законы «О реабилитации жертв политических репрессий» (1992 г.) и «О реабилитации репрессированных народов» (1993 г.) воспринимались как официальное признание геноцида и преступлений против человечества в Советском Союзе, как намерение компенсировать моральный и материальный вред, нанесенный пострадавшим от политического террора. Правда, эти компенсации имели виртуальный характер – их суммы были несопоставимы с нанесенным ущербом. Нищее государство установило ставки моральной и материальной компенсаций, которые ничего кроме горькой усмешки у выживших узников вызвать не могли*. Обанкротившееся государство

Срывание погон и избивание милиционеров

фактически признало неспособность отвечать по своим обязательствам. С тех пор финансовое положение страны в корне изменилось, триллионы стабилизационного фонда хранятся в американских банках – правительство оказалось неспособным их

Милиция с народом

рационально использовать. Но правозащитники не только не могут добиться пересмотра этих ставок, но даже индексации этих оскорбительных сумм. И это все, несмотря на обязательное постановление Конституционного суда России, обязавшее власти пересмотреть объемы компенсаций в соответствии с действительно нанесенным ущербом.

Ценитенциарная система России сохранила свои лагеря, кадры, традиции и даже колючую проволоку ГУЛАГа на Севере, законсервированную маслом. ФСБ продолжала отсчитывать свои юбилеи от 1917 г. На одном из таких юбилеев известный подполковник доложил понимающим шутки коллегам: «Операция по захвату Кремля благополучно завершена!». Но архивы КГБ были открыты для ученых и для пострадавших от репрессий, сотни тысяч граждан были реабилитированы, памятник Дзержинскому на Лубянской площади был скинут с пьедестала – многим хотелось верить, что Россия навсегда закрыла эту мрачную страницу своей истории.

Что же мы видим сегодня? Государство начало с мелочей. Снова закрываются архивы. В преамбуле закона «О реабилитации жертв политических репрессий» Государственная Дума РФ убрала упоминание о необходимости компенсации морального ущерба. Государство, а точнее федеральные власти, окончательно решили для себя проблему реабилитированных граждан, признанных пострадавшими от политических репрессий официально, передав исполнение своих обязательств и их нормативное регулирование на усмотрение субъектов федерации. А они относятся к репрессированным по-разному*. То есть, сначала государство искалечило жизни миллионов жертв политического террора, а теперь наследники палачей глумятся над немногими из доживших до наших дней и их детьми.

Зато процесс реабилитации сталинизма нарастает и идет с участием первых лиц. Весной Государственная Дума в решении по поводу Голодомора объяснила, а, фактически, оправдала репрессии

30-х годов необходимостью индустриализации страны. Казенные историки спорят, кто был лучшим менеджером XX века – Сталин или Берия. Владимир Путин и МИД России убеждают весь мир, что Сталина нельзя сравнивать с Гитлером – ведь Гитлер, а не Сталин был осужден Нюрнбергским трибуналом. А Борис Грызлов прямо призывает пересмотреть роль Сталина – замечательного политического деятеля в истории страны. В стране в рамках управляемой демократии воссоздана (пока без закрепления в Конституции) руководящая и направляющая сила – партия «Единая Россия».

Такая эволюция идеологии неизбежно определяется бюрократически-олигархической природой власти в стране. Это все не случайная тенденция, а вполне адекватное идеологическое сопровождение текущих преобразований общественной жизни.

Политические книги в окне новосибирского «Дома книги»
Красный проспект, 31

Суд и правоохранительные органы превратились в главный источник беззакония. Все большую часть времени они тратят на борьбу с противниками власти, чаще всего выдуманными. С помощью «легенды» о камне дискредитировано и развалено гражданское общество. Разрушение избирательной системы привело к маргинализации политических партий, и «парламентских», и оппозиционных. Фальсифицированные выборы «Имя России» превратились в «главные выборы» в стране.

Кто мог десять лет назад представить, что у нас снова появятся политзаключенные? В Новосибирске начался уголовный процесс против трех защитников Нарымского сквера, к политике не имеющих никакого отношения. Спасибо ТВ – весь город видел, что избивание протестующих людей начали сотрудники в штатском, которых милиционеры сначала пытались задерживать, а потом с энтузиазмом поддержали. А теперь пожилого, уравновешенного человека, которого проволокли вниз головой по асфальту (см. фото!), обвиняют, что он сорвал погон. Доказательством этого служат показания подполковника милиции, который, по его словам, стоя в двух метрах, с поразительной выдержкой наблю-

дал, как его подчиненных «били в лицо рукой, с пальцами сжатыми в кулак». Сначала он уверял суд, что сам в драке не участвовал, а через несколько минут сообщил, что руководил всеми действиями милиционеров, отдавая им приказы.

Необоснованными преследованиями власть сама взращивает себе боевую оппозицию, которая придет на смену зоопарку инфантильных оппозиционных партий, способных существовать только при высокой поддержке.

Подобные демонстрации силы подрывают остатки доверия не только к милиции, но и к власти в целом. Тем более, что большая часть людей сочувствует репрессированным, в том числе и в официальных кабинетах. Все, к кому доводилось обращаться, охотно и неформально оказывали помощь при организации мероприятий, связанных с 30 октября.

В этих условиях крайне важной для будущего становится работа по сбору воспоминаний о репрессиях в Советском Союзе, которую активно и последовательно ведет «Мемориал». А 30 октября все больше возвращается к первоначальному своему смыслу – это День политзаключенных, учреж-

денный самими политзаключенными, в память о своих товарищах, и главным становится лозунг: «Свободу политзаключенным!»

Александр Рудницкий,
Новосибирский «Мемориал».

* Эвальд Константинович Скворцов рассказал 30 октября, что его реабилитированному отцу было выплачено целых 16 рублей за 6 лет лагерей. Зато при первых признаках кризиса крупнейшие банки России получили «кредиты» без залога (в Америке и других развитых странах государство предоставило деньги в обмен на акции обанкротившихся банков). Почему-то в этом случае правительство не опасается нового витка инфляции. Невозможно сомневаться в истинных приоритетах руководства страны.

** Невозможно поверить, но в Грозном мемориал жертвам депортации из центра города переносят на окраину. Выбрано отличное место рядом со свалкой. Мемориал, оказывается, мешает реконструкции центра города. Забавно, но памятник Герою Советского Союза Александру Демакову, занимающий пару соток в начале ул. Демакова в Новосибирском академгородке, тоже мешает строительству торгово-развлекательного центра, и его собираются перенести в сквер, который будет создан на пустыре. Почему же наше руководство с таким азартом клеймил эстонские власти за перенос памятника советскому воину-освободителю и могилы из центра Таллинна на воинское кладбище?

«Libido dominantis»

М. Г.!

Ещё один раз обращаюсь к Вам, будучи бывшим многолетним членом НТС.

Не важно, что НТС сейчас имеет только крайне ограниченное значение в России. Для меня важно (и кому ещё), что я не считаю, что Вы защищаете русские интересы а являетесь разновидностью «Керенщины» или стовора с врагами России, правда с оправданием и бывшей страшной сталинщины. Но Керенщина и всякая её разновидность, будь то демократического или солидаристического толка, не могла не кончиться катастрофой. Думаю единственная надежда России это В.В. Путин и может быть ещё больше юрист Д.А. Медведев. Почему в Вашем русском «Посеве» не пишете о самой важной про-

блеме современной России? О радарных и потом о ракетных установках в Чехии и Польше 20 минут от Москвы и Петербурга, это результат «libido dominantis» наподобие нацистской Германии теперешней власти и неоконсерваторов в Вашингтоне.

Не кричать об этом *русский* журнал просто не может.

С уважением Владимир Яковлевич Зезулин.

Думаю последнее письмо.

Zeulin
232 Glen St
Glen Cove, NY 11542

Уважаемые депутаты Новосибирского областного Совета депутатов!

Вам в ближайшие дни впервые предстоит отвлечься от традиционной для регионального парламента темы распределения бюджетных средств и проголосовать за изменения, вносимые фашистским режимом в федеральную Конституцию. Вам не хуже других известно, что этот режим сделал почти всё возможное для извращения духа Конституции путем подавления всех гражданских

свобод, отмены выборов губернаторов, депутатов Совета Федерации и Государственной Думы. Нелзя же всерьез называть выборами дележ мест в федеральном парламенте среди одобренных в Кремле списков особо доверенной агентуры, включая всемирно известного киллера, исполнившего за границей заказ «самого»? Перечень преступлений диктатора и его «ближнего круга» давно достаточен для объявления их в международный розыск. Единственное препятствие – высокий уровень дипломатического иммунитета. Как только этот иммунитет

* Редакция приносит извинения депутатам Новосибирского областного Совета депутатов.

01/2009

будет утрачен, наш национальный лидер позавидует Пиночету и Милошевичу. Чтобы этого не случилось, диктатор и его камарилья должны править несчастной страной пожизненно. На это и нацелены предлагаемые вашему одобрению поправки. Честный и здравомыслящий человек не может голосовать за такие поправки к Конституции.

По формально юридической причине. Поправки нарушают ст. 55 Конституции, умаляя путем увеличения разрыва между выборами право граждан избирать и быть избранными.

По причине заботы об интересах избирателей. Аргумент, что, дескать, покорность диктатору дает преимущества региону в федеральном финансировании, опровергается всей новейшей историей: лишь фрондирующие регионы добивались снятия ограничений в денежном потоке из Москвы или введения ограничений на движение налоговых поступлений в обратном направлении.

Главное – по нравственно-этическим соображениям. Вы не можете не понимать, что, голосуя за поправки, вы позволяете не просто преступникам уйти от заслуженного возмездия, не просто увеличиваете отрыв власти от народа, вы вводите лицемерие и подлость в ткань основного закона страны,

вы сами становитесь пособниками и соучастниками этого лицемерия и подлости.

Вспомните совет А.И. Солженицына из 1974 года: «жить не по лжи» и не бойтесь. Не бойтесь проголосовать против. «И тот, у кого неостанет смелости даже на защиту своей души, – пусть не гордится своими передовыми взглядами, не кичится, что он академик или народный артист, заслуженный деятель или генерал, – так пусть и скажет себе: я – быдло и трус, мне лишь бы сытно и тепло».

Есть лишь одно обстоятельство, которое позволяет честному человеку проголосовать за поправки. Если этот человек искренне считает фашистскую модель общественного устройства, последовательно внедряемую нынешним диктатором, оптимальной для России. Но если вы голосуете за фашизм, то уж соблюдайте приличия и будьте последовательны – не приходите 9 мая к памятникам павшим в войне с фашизмом с цветами и ленточками. Оставайтесь мужиками. Фашистами так фашистами.

Алексей Мананников, народный депутат РСФСР от г. Новосибирска (1990), депутат Совета Федерации от Новосибирской области (1993).

Календарь "БЕЛЫЕ ВОИНЫ"

Цветной большеформатный (40/60) календарь "Белые Воины" на 2009 год, в котором представлены портреты 12 видных офицеров Русской Императорской армии, большинство из которых участвовало в Белом движении: В.О. Капшеля, А.В. Колчака, М.Г. Дроздовского, П.Н. Врангеля, Е.К. Миллера, М.Д. Скобелева, А.И. Деникина, А.П. Кутепова, Н.Н. Юденича, М.К. Дитерихса и Ф.А. Келлера. Процесс создания календаря занял почти десять лет. Все портреты были написаны специально для календаря и книг серии "Белые Воины" тремя художниками – Р. Былинской, В. Мирошниченко и Д. Трофимовым

Цена – 700 рублей (по предоплате)

Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954. В 2-х т.

М.: Айрис-пресс, 2008. – 1040 с.

Книга "Наши Задачи" великого русского мыслителя И.А. Ильина (1883–1954), высланного из СССР в 1922 г., обращена к нам, гражданам посткоммунистической России. Она включает статьи, которые конфиденциально рассылались членам Русского Обще-Воинского Союза и другим единомышленникам, подобно Ильину верившим в грядущее возрождение России. Цель этих посланий – "укрепление русского самосознания и отбор качественных сил", то есть формирование ведущего национального слоя, способного обеспечить реализацию творческих возможностей всего народа. Стержень книги составляет изложение принципов будущего государственного устройства. Важнейшее место занимают вопросы духовно-нравственного воспитания, формирования правосознания, возрождения понятий чести и честности у граждан новой России. Воспроизводится текст парижского издания 1956 г., который для настоящего издания исправлен и дополнен в соответствии с авторскими рукописями из Архива И.А. Ильина.

Цена – 550 рублей (по предоплате)